

Монах и дочь палача. Паутина на пустом черепе

Автор:

[Амброз Бирс](#)

Монах и дочь палача. Паутина на пустом черепе

Амброз Бирс

Зарубежная классика (АСТ)

Одно из главных произведений творческого наследия Бирса – повесть «Монах и дочь палача» – тонкая и яркая история, написанная с почти средневековой стилистической простотой и естественностью, затрагивает вечные темы – противостояния веры и неверия, любви духовной и плотской, греха и искупления, преступления и наказания.

«Паутина на пустом черепе», составленная из забавных басен и притч, опубликованных Бирсом в разное время в журнале «FUN», невзирая на мрачное название, представляет собой отменно язвительную, ядовитую сатиру на ханжество и двуличность современного автору американского общества.

Амброз Бирс

Монах и дочь палача

Паутина на пустом черепе

© Перевод. О. Постникова, 2022

© Перевод. А. Танасейчук, 2022

© Перевод стихов. Н. Сидемон-Эристави, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Монах и дочь палача

Предисловие[1 - Перевод. А. Танасейчук]

Много лет назад – скорее всего, в 1890 году в Сан-Франциско – доктор Густав Адольф Данцигер принес мне некую рукопись. По его словам, это был его собственный перевод повести «блестящего», как он утверждал, немецкого писателя Рихарда Фосса из Гейдельберга. Поскольку доктор Данцигер в то время плохо знал английский язык, он попросил меня привести перевод в надлежащий для публикации вид. Представленный текст поразил меня открывающейся возможностью для расширения и усовершенствования сюжета, потому я и согласился на эту работу, но только с тем условием, что автор и переводчик предоставят мне свободу действий.

Предложение с моей стороны было явно опрометчивое, а потому полагал, что тем дело и окончится. Но через некоторое время д-р Данцигер меня уведомил, что автор (которого он знал лично) с этими условиями согласен. Результатом моей работы и стала эта книга, опубликованная F. J. Schulte & Company из Чикаго. К сожалению, издатели не преуспели и, насколько мне известно, книга в широкой продаже так и не появилась.

В оригинальном виде повесть я никогда не читал, немецкого языка не знаю, поэтому мне неизвестно, насколько вольно д-р Данцигер обошелся с текстом автора. Мне он говорил, что ничего от себя не добавил. Тем не менее, в своих книгах, на титульных листах, в перечне собственных произведений, объявляет себя автором «Монаха и дочери палача». Помимо моей воли, данное утверждение вызвало дискуссию, которая и потребовала от меня тех слов, что я привел выше. Г-н Данцигер прибег к уловке и заявил, что герр Рихард Фосс позаимствовал свой сюжет из другого сочинения, а издатель счел нужным

уведомить читателя: «В основе данного повествования – старинная рукопись, изначально принадлежавшая францисканскому монастырю в Берхтесгадене, Бавария. Рукопись была получена от некоего крестьянина герром Рихардом Фоссом из Гейдельберга, а немецкоязычная версия является адаптацией упомянутого манускрипта». Мне всегда казалось, что по отношению к труду г-на Фосса, которым я искренне восхищаюсь, это и неравнозначно, и несправедливо. Не в последнюю очередь данный мотив и удовлетворение от самого факта переиздания повести дают мне возможность воздать должное тому, чье великолепное воображение и есть главный источник этой истории. Я сохранил имя доктора Данцигера на титульном листе книги, но полагаю, заслуга последнего в ее появлении невелика. По сравнению с той версией, что была передана им мне в руки, окончательный текст претерпел существенные изменения в сюжете, а объем ее увеличился.

Амброз Бирс,

Вашингтон, округ Колумбия

29 ноября 1906 года

I

В первый день мая, в год одна тысяча шестьсот восьмидесятый от рождения Господа нашего, мы, монахи-францисканцы, Эгидий, Романус и Амброзий, были посланы отцом-настоятелем из города Пассау в монастырь Берхтесгатен, что близ Зальцбурга. Я, Амброзий, был самым молодым – всего двадцати одного года от роду.

Монастырь, куда мы направлялись, располагался, как мы знали, в дикой гористой местности, покрытой густыми лесами, населенными дикими зверями и злыми духами; и наши сердца преисполнились скорби: что-то нас ждет там... Но, поскольку обязанность любого христианина выполнять все повеления Церкви Христовой, мы не роптали и даже радовались, исполняя повеление нашего настоятеля.

Получив последние наставления и в последний раз вознеся молитву в храме нашей обители, мы затагнули пояса, надели новые сандалии и отправились в путь, благословленные на прощание всей братией. Хотя путь наш был долгим и трудным, мы не утратили веры в Провидение, веры, которая дает силу молодости и опору старости. Вскоре боль расставания утихла, сердца наши наполнились радостью: впервые нам открылась дивная красота и величие той земли, что создал для нас, ничтожных, Всевышний. Воздух дивно сиял и струился, будто сотканный из нитей одеяния Девы Марии; солнце сияло, словно Золотое Сердце Спасителя, несущее свет и жизнь всему живому; а темно-голубое небо как бы венчало прекрасный и величественный храм, в котором каждая травинка, каждый цветок, каждое живое существо радовалось во славу Бога.

Мы миновали великое множество городов, деревень, хуторов, что лежали на нашем пути, встретили множество людей разного обличия и ремесла, и многообразие это восхитило и повергло в изумление нас, бедных монахов. Обилие храмов, встреченных нами в пути, привет и доброе расположение христиан простого звания, равно как искреннее и повсеместное желание бескорыстно услужить нам, странникам, наполняло сердца наши счастьем. Богатство и благополучие церквей на этих землях лучше любых слов говорило, что живут здесь добрые христиане. Ухоженные сады и строения монастырей и приходо́в являли свидетельство заботы и рдения паствы и пастырей. Наши сердца сладостно сжимались, когда слух ловил вблизи или в отдалении перезвон колоколов. Наши души словно впитывали эту музыку – что-то неземное слышалось в ней: будто ангелы на небесах пели Осанну во имя Господа.

Везде, где лежал наш путь, мы благословляли встречных именем нашего святого покровителя. В ответ все они дарили искреннее дружелюбие и радость: женщины и дети подолгу шли рядом с нами, провожая, толпились вокруг, чтобы поцеловать наши руки и испросить благословения. Казалось даже, будто мы уже вовсе не ничтожные слуги Божьи, а властители всей этой прекрасной земли. И хотя гордыня не поселилась в наших душах, и взгляд наш оставался смиренным, мы с робостью всматривались в собственные сердца, боясь, как бы не нарушить заповеди нашего Ордена и не согрешить, возгордившись.

Что же касается меня, то я, смиренный брат Амброзий, со стыдом и смятением обнаружил, что душа моя смущена греховными мыслями. Мне казалось, что женщины с большим удовольствием целуют мои руки, нежели руки моих товарищей, что, конечно же, было неверно, так как я вовсе не был более свят,

чем они. Просто я был моложе и менее искушен в борьбе с дьявольскими соблазнами. Когда я вдруг ощутил женские чары и увидел, как девушки задерживают взгляды на моем лице, я утратился: где найти силы, чтобы противостоять искушению? И начал понимать с ужасом и содроганием, что молитва, пост и вериги – одни, сами по себе, никого не сделают святыми, человеку нужно быть от рождения столь чистым душой и мыслями, чтобы соблазны были неведомы ему.

На ночь мы останавливались в каком-либо монастыре, где нас неизменно ждал радушный прием. Обильная еда и напитки всегда были на нашем столе. Когда мы приступали к трапезе, вокруг нас толпились монахи, выпрашивая новости о мире, в котором мы, благодаря нашему благословенному путешествию, увидели и узнали так много. Слыша же о цели нашего путешествия, нас обычно жалели за то, что мы обречены жить в горной глуши. Нам рассказывали о ледниках, об увенчанных снегом вершинах огромных скал, ревущих водопадах и сумрачных лесах, а еще, обязательно, говорили об озере, столь страшном и загадочном, что нет подобного ему во всем мире. «О, Господи, укрепил силы наши!» – молились мы.

На пятый день путешествия, недалеко от города Зальцбурга, нам явилось странное и загадочное видение. На горизонте, прямо перед нами, возникла гряда тяжелых облаков со многими серыми вкраплениями и пятнами более темного оттенка, а между ними и голубым небом лежала полоса совершенно белого цвета. Это зрелище глубоко встревожило нас и озадачило. Облака были неподвижны. Мы наблюдали часами, но ничто не менялось в этой картине. Позже, уже к вечеру, на закате, солнце озарило их. Облака чудно сияли и переливались, а временами, казалось, вспыхивали огнем!

Трудно выразить наше удивление, когда мы обнаружили, что заблуждались: это были вовсе не облака, а нагромождение скал. Это о них мы столько слышали в пути. А то, что мы принимали за белый небесный свод, оказалось снегом, что покрывал горные вершины.

Когда мы подошли ко входу в ущелье, что вело в глубь горной страны, смятение охватило нас: казалось, что это врата Ада. Позади осталась прекрасная земля, теперь мы готовились покинуть ее навсегда. Перед нами громоздились горы, теснины и сумрачные леса. Они угнетали взор и таили опасности. Укрепив сердца наши молитвой и шепча проклятья врагу рода человеческого, мы приготовились вынести все, что бы нам ни было суждено, и двинулись навстречу неведомому.

С великой осторожностью мы продвигались вперед. Вскоре путь нам преградили гигантские деревья. Их тяжелые кроны почти скрывали свет небес, сумрак сгустился, и холод пронизал нас. Звуки наших шагов и голосов, когда у нас хватало смелости произнести хотя бы слово, возвращались к нам, отраженные скалами, теснившими тропу, по которой мы двигались. Но отзвуки эти были столь отчетливы, многократны и многоголосы, так причудливо искажены, что мы с трудом верили, будто это наши голоса и шаги, и что нас не сопровождают орды невидимых существ, которые специально насмеваются над нами и устрашают нас.

Огромные мрачные птицы срывались со своих гнезд, кружили над вершинами скал и зловеще глядели на нас, бредущих внизу; грифы и вороны кричали такими дикими, злыми голосами, что кровь стыла в жилах. Мы молились, но молитвы и гимны, которые мы пели, не могли успокоить наши души; казалось, они только призывали новых птиц, и те эхом своих голосов еще сильнее устрашали и вносили смятение в наши сердца. Поразительно было видеть огромные деревья, вырванные с корнем и громоздившиеся на склонах холмов; сама мысль о могуществе стихий, совершивших это, приводила нас в содрогание. Временами тропа, по которой мы шли, жалась к самому краю обрыва. За ним, устрашая взор, зияла мрачная пропасть. Началась буря. Никогда не доводилось нам испытать ничего подобного: беспрестанно сверкавшие молнии почти ослепляли нас, а гром гремел с такой силой, что тысячекратно превосходил раскаты, слышанные доныне. Ужас окончательно подчинил наш разум, и каждую минуту мы со страхом ожидали, что сам дьявол обрушится на нас со скалы или свирепый горный медведь преградит нам путь. Но одни лишь олени да лисы изредка пересекали тропу. Страхи наши стали постепенно слабеть, и мы убедились, что святой Франциск – наш благословенный покровитель – не менее могущественен здесь, в горах, нежели в той прекрасной стране, которую мы покинули.

Долго мы шли и вот, наконец, достигли берега стремительного потока, чьи серебристые струи воистину радовали взор. В хрустально-чистой глубине мы разглядели благородных форелей, величиной ничуть не уступавших карпам в нашем монастырском пруду в Пассау. Даже в этих диких местах небеса не оставили своей заботой уставших путников!

У подножия величественных скал, покрытых лишайниками, раскинулся луг, на котором росли прекрасные небесно-синие и золотисто-желтые цветы. Названий их мы не знали, но брат Эгидий, столь же благочестивый, сколь и ученый, узнал их по своему гербарии и назвал нам. То были очень редкие цветы, встречавшиеся только в этой местности. Нас восхитил вид бриллиантовых жуков и бабочек, во множестве летавших над лугом. Мы собрали букеты и, счастливые, гонялись за чудесными насекомыми, совершенно забыв недавние страхи, медведей и злых духов.

Мы шли уже много часов, но не встретили ни человеческого жилища, ни чего-нибудь, напоминающего о людях, живущих здесь. Все глубже и глубже мы проникали в горную страну, все труднее давался нам путь через леса и ущелья. Вернулись и прежние страхи, но они уже не поражали наши души с той силой, как прежде, ибо теперь мы знали, что Бог хранит нас. Вновь река преградила нам путь, но к нашей радости мы обнаружили, что через нее перекинут грубый, однако прочный мост. Мы уже собирались ступить на него, когда я поднял глаза и на другом берегу увидел зрелище, заставившее похолодеть кровь в моих жилах. За рекой раскинулся луг, поросший дивными цветами, а посреди луга стояла виселица, и мертвец раскачивался в петле! Лицо его было обращено к нам (я легко мог различить мельчайшие его черты), и хотя оно уже почернело и начало разлагаться, без труда можно было определить, что смерть наступила недавно.

Я уже собирался привлечь внимание моих спутников к этому прискорбному зрелищу, когда произошло еще нечто: на лугу появилась юная девушка с длинными, золотистого цвета волосами, голову ее украшал венок.

Она была одета в ярко-красное платье, и ее неожиданное появление, как мне показалось, осветило всю сцену, будто сполох огня. Ничто в ее поведении не свидетельствовало о страхе перед виселицей и мертвецом; напротив, она двигалась прямо к виселице, легко переступая босыми ногами, что-то напевая громко, приятным голосом. Девушка размахивала руками, отгоняя стервятников, круживших над этим местом. Недовольные, они хрипло кричали, били крыльями

и щелкали хищными клювами. При ее приближении птицы тяжело поднялись в воздух, и лишь один гриф не тронулся с места: он сидел на перекладине виселицы и смотрел угрожающе и с вызовом. Девушка подбежала вплотную к месту, где сидела отвратительная птица, и принялась прыгать и кричать. Тогда гриф расправил свои широкие крылья и нехотя взлетел. Она остановилась, спокойно и задумчиво разглядывая тело несчастного, мерно раскачивающееся под перекладиной.

Пение девушки привлекло внимание моих спутников. Все мы остановились, глядя на прекрасное дитя, не в силах произнести ни слова – настолько поразительный контраст являло собой это небесное создание и его окружение.

Я стоял неподвижно, безмолвно наблюдая эту удивительную картину, и чувствовал, как холод сжимает мое сердце. На мгновение мне в голову пришла сумасшедшая мысль, что здесь и я буду погребен, что стою сейчас на месте своей могилы. Удивительно, но это ощущение пронзило меня в тот самый момент, когда тень от виселицы накрыла движущуюся девичью фигуру. Конечно, это было совпадение, странное совпадение, одно из тех, что мешают сон с явью и реальность с глупейшими предрассудками. Действительно, ведь только безумцу могла прийти в голову мысль, что добрый христианин и искренний последователь святого Франциска Ассизского может закончить свои дни на виселице.

– Давайте преклоним колени, – сказал я своим товарищам, – и помолимся за душу умершего.

Мы поспешили к скорбному месту и молились горячо, не поднимая глаз. Я был особенно усерден в своей молитве, поскольку сердце мое исполнилось сострадания к несчастному, что качался на виселице. Я припомнил слова Господа нашего, сказанные по этому поводу, припомнил и то, что Он простил разбойника, распятого на кресте рядом с Ним. Кто знает, может быть, никто не сказал доброго слова и не даровал этому грешнику прощения перед смертью?

При нашем приближении девушка отбежала в сторону и остановилась, глядя на нас в нерешительности. Однако внезапно, в самый разгар нашей молитвы, я услышал ее звонкий голос: он дрожал от напряжения, словно ужас переполнял ее. Она закричала: «Гриф! Гриф!..» Я посмотрел вверх и увидел огромного, серого цвета стервятника, который кругами плавно скользил вниз. В нем не было ничего, что могло бы напугать ее, и приближение птицы не несло в себе

никакой угрозы ни нам, ни нашим молитвам. Но девичий голос прервал нас, и братья, негодуя, принялись бранить ее.

– Остановитесь, – прервал я их, – быть может, это ее родственник. Подумайте об этом, братья мои. Эта чудовищная птица прилетела, чтобы терзать плоть тела его и клевать его глаза. Что же странного в том, что она закричала?

– Тогда, Амброзий, ступай к ней, – произнес один из братьев, – и скажи, чтобы она помолчала, пока мы будем молиться за упокой души этого грешника.

Я пошел по цветущему лугу к тому месту, где стояло дитя, устремив взгляд своих глаз на стервятника, который, сужая круги, приближался к виселице. Безмолвно, выпрямившись, девушка смотрела, как я приближаюсь, и когда я увидел ее глаза – большие и темные, – я заметил, что в них мелькнул страх, словно она боялась, что я причиню ей какое-то зло. Станным было то, что, когда я подошел совсем близко, она не сделала ни шага мне навстречу и не поцеловала мне руку, как это обычно делали женщины и дети.

– Кто ты? – спросил я ее. – И что ты делаешь совершенно одна в этом скорбном месте?

Она ничего не ответила мне, не подала никакого знака, не сделала никакого движения, и потому я повторил свой вопрос:

– Скажи мне, дитя, что ты здесь делаешь?

– Отгоняю стервятников, – отвечала она, и голос ее был мягким, мелодичным и необычайно приятным.

– Этот несчастный – твой родственник? – снова спросил я.

Она отрицательно покачала головой.

– Но ты знала его и теперь скорбишь о его печальной участи?

Она хранила молчание, и мне вновь пришлось спросить ее:

- Как его звали и что привело его к смерти? Какое преступление он совершил?

- Его звали Натаниэль Олфингер. Он убил человека из-за женщины, - произнесла девушка.

Причем, сказала она это с такой обыденной интонацией в голосе, что можно было подумать, будто и убийство, и повешение настолько обычны в ее жизни, что и не стоит обращать на них внимания. Это поразило меня, и я вопросительно поглядел на нее, но взгляд ее оставался все так же мягок и безучастен.

- А знала ли ты этого Натаниэля Олфингера, дитя мое? - спросил я.

- Нет, - ответила она.

- Но теперь ты пришла сюда, чтобы уберечь его грешное тело от стервятников?

- Да.

- Но почему же ты делаешь это?

- Но я всегда занимаюсь этим...

- Что?

- Всегда, когда здесь повешенный, прихожу и отгоняю птиц - пусть себе ищут другую добычу. Ой! Смотрите... еще один стервятник!

Она закричала, и голос ее был пронзительным и диким, а затем подняла руки над головой, замахала ими и побежала по лугу. Мне показалось, что она сумасшедшая. Птица улетела, и девушка вернулась ко мне. Свои загорелые руки она прижимала к груди и казалась такой умиротворенной, но дыхание ее было прерывисто, словно она очень устала.

Мягко, насколько это было в моих силах, я спросил ее:

- Как зовут тебя, дитя мое?

- Бенедикта.

- Кто твои родители?

- Моя мать умерла.

- А отец... - спросил я. - У тебя есть отец? Где он?

Ответом мне было ее молчание. Я попытался разговорить ее, чтобы она сказала, где ее жилище (я хотел отвести бедное дитя домой и попенять ее отцу, чтобы он лучше смотрел за своей несчастной дочерью и не разрешал бродить ей на этом страшном месте).

- Так где же ты живешь, Бенедикта? Прошу тебя - скажи мне!

- Здесь...

- Как?! Здесь?! Ах, дитя мое, здесь же только одна виселица!

Девушка рукой указала на сосны. Проследив направление ее жеста, среди деревьев я увидел убогую хижину, которая своим видом более походила на обиталище зверя, нежели человека. Итак, я узнал больше, чем она могла или хотела сказать мне - чья же она дочь.

Когда я вернулся к своим товарищам, они спросили меня, кто эта девушка, и я ответил:

- Дочь палача.

III

Препоручив душу мертвеца попечению Святой Богородицы и Святых Апостолов, мы оставили это проклятое место, но я, уходя, оглянулся на прекрасную дочь палача. Она стояла там, где я оставил ее, и смотрела нам вслед. Чистый девичий

лоб был все так же украшен венком, и цветы оттеняли ее чудесную красоту. Большие темные глаза сияли, как звезды в безлунную зимнюю ночь.

Мои товарищи, для которых дочь палача, конечно же, была вне христианского мира, попеняли мне за то внимание, что я проявил к ней. И я с печалью подумал: «Бедное, прекрасное и несчастное дитя! Тебя гонят и презирают за то, в чем нет твоей вины... Да и разве можно винить ребенка за ремесло ее родителя? И разве не истинно христианская добродетель подвигла это невинное существо отгонять мерзких стервятников от тела человека, которого при жизни она даже не знала, и столь грешного, что суд признал невозможным дальнейшее его земное бытие?» Во всяком случае поступок ее показался мне куда как благочестивей деяний иных христиан, подающих милостыню на паперти нищим. Мысли эти переполняли меня, и я не мог не поделиться ими со своими спутниками. Но, к моему удивлению и великой печали, ни один из них не поддержал меня, а напротив, обозвали глупцом и мечтателем, дерзнувшим отрицать извечный порядок вещей. Каждый, говорили они, должен избегать людей того круга, которому принадлежит палач и его семья, а тех, кто правила этого не признает и общается с ними, также следует считать нечистыми. Я, однако, не согласился с ними и принялся упорно доказывать свою правоту. «Как можно презирать этих людей и относиться к ним как к преступникам, – сказал я своим спутникам, – когда они сами есть часть судебной машины, которая карает настоящих преступников? Они допущены в храм Божий, и пусть место там отведено им самое незавидное, но это не освобождает нас от обязанности молиться за них и молить Всевышнего о прощении их заблудших душ». Так сказал я, но братья еще сильнее прогневались и громко принялись бранить меня, да так дружно и страстно, что я почувствовал себя виноватым, хотя и не понимал, в чем же моя вина. Я не стал им возражать, но в душе своей вознес молитву к Богу и молил Небеса быть милосерднее ко всем нам, чем мы бываем друг к другу. И вновь мысли мои вернулись к несчастному дитя, и душа моя возрадовалась, поскольку имя ее было – Бенедикта. «Быть может, – подумал я, – имя это даровано ей родителями в честь святого Бенедикта... А по сравнению с ним кто может быть благочестивее?..»

Но здесь я должен прерваться, чтобы рассказать о той удивительной стране, в которую мы теперь вступили. Если бы мы не знали наверняка, что вся земля наша без остатка есть творение Божье, то, наверное, мы не смогли бы избавиться от искушения назвать эту дикую местность творением князя Тьмы.

Мы шли по узкой, извилистой тропе. Глубоко внизу под нами неистово ревела и пенилась река, ударяя в подножия утесов, чьи вершины, казалось, подпирали само небо. Слева от нас громоздился мрачный еловый лес, один вид которого приводил нас в содрогание, а напротив высилась огромная гора. Черная и зловещая, вся она была испещрена белыми, разной величины и формы, пятнами. Долго мы не могли понять, что это за пятна, пока, приблизившись, не узнали, – это был снег. Снег покрывал склоны этой громадины. Снег! В середине благословенного месяца мая! Поистине удивительно могущество твое, о Господи!

Тропа поднималась все выше и выше. Мы приближались к цели нашего путешествия. И вот наконец увидели то место, куда так стремились. У подножия огромной вершины, чей вид поверг нас в изумление и трепет, мы разглядели замок и храм, и сердца наши наполнились радостью. По склону горы были рассыпаны дома и хижины, а в центре, как пастух, окруженный стадом, возвышался монастырь – наша новая обитель. Церковь и монастырь были сложены из грубого, темного камня, но в рисунке их линий легко читались благородство и изящество.

Да не оставит нас Господь своей заботой!

IV

Вот уже несколько недель я здесь, в этой дикой местности, но Всевышний не оставил меня своим призрением: я здоров и защищен прочными стенами обители – твердыни Веры, последнем убежище для тех, кто спасается от соблазнов врага рода человеческого, тихом пристанище всех, обремененных скорбью. Конечно, сказанное – не обо мне. Я молод и, хотя в душе моей покой, так мало знаю о мире и мирской жизни, что порой моя добродетель не кажется мне несокрушимой, и я подвержен соблазну греха. Окидывая мысленным взором свой жизненный путь, я представляю его тоненьким ручейком, который несет свои спокойные воды вдоль мирных полей и цветущих лугов, зная при этом наверняка, что впереди его ждут и бури, и ненастья, и будет их еще много, пока он вольет свои воды в безбрежное море.

Но не горе и не отчаянье заставили меня отказаться от мирской суеты и привели в лоно церкви, но искреннее желание служить Всевышнему. Единственное желание мое – принадлежать Богу, повиноваться святой Церкви и, будучи слугой Божиим, нести благодать всем людям, которых я так глубоко и искренне люблю. Нет ничего удивительного и странного в том, что я оказался под рукой церкви. Церковь заменила мне родителей, которые умерли, когда я был еще ребенком, она кормила, одевала и холила меня, как родное дитя. И я воспринял предназначение свое с великой радостью, – что может быть прекраснее служения Богу! Постоянно я думал и мечтал об этом и старался подготовить душу к высшему и священному предназначению. Знаю, что никогда не буду до конца достоин я такого великого счастья, но надеюсь исполнять долг свой с рвением и быть искренним и достойным слугой Божиим и человеческим. Я часто молил небеса даровать мне жестокое испытание соблазном, чтобы я мог преодолеть сатанинское пламя и очистить разум свой и душу. Так я размышлял, распалая свой дух, пока Господь не смилостивился надо мной и не даровал успокоения, погрузив меня в сон.

V

Наш настоятель отец Андрей был мягким и благочестивым человеком. Братство наше жило в мире и согласии. Никто не ленился, не было среди нас чрезмерно болтливых или, напротив, высокомерных. Во всем царила умеренность, – ничего лишнего не было и на столах во время трапезы, хотя богатства обители были огромны: холмы и долины, реки и леса, луга и пашни – все, чем богата эта страна, – все принадлежало монастырю.

Самым примечательным из его владений были соляные копи. Мне говорили, что горы здесь полны соли, и в этом видел я великую мудрость Божию. В поисках этого минерала человек проникает в глубины земли, пробивая шахты и туннели, и выносит горький камень на свет солнца. Много раз я видел красные, бурые и желтые кристаллы эти. Копи дают работу местным поселянам и их детям, есть там и несколько пришлых чужаков, а надзирает над всеми работами управляющий, которого все зовут Соляной мастер. Это человек сурового нрава, чувствуется в нем большая сила, но отец-настоятель и вся братия говорит о нем мало хорошего, не потому, что он плохой христианин, а потому, что дела его не всегда добродетельны. У Мастера есть сын. Зовут его Рохус – молодой человек приятной наружности, но дикого и необузданного нрава.

VI

Местные жители – гордый и упрямый народ. Мне рассказывали, что в старых хрониках о них говорили как о потомках древних римлян. (Именно они пробрили первые шахты в горах, чтобы добывать соль, некоторые из них действуют и по настоящий день.) Те самые потомки римлян – их предки, были, наверное, еще упрямее, чем нынешние жители страны, потому что исповедовали идолопоклонство в то время, как все соседние народы признали крест и веру Христову. Однако теперь они склонили свои гордые головы пред святым распятием, смягчили свои сердца и приняли истинную веру.

Внешне с тех давних пор они не изменились, но внутренне стали другими – смиренными и послушными Богу. Нигде больше селяне и горожане не целовали мне руку с таким пылом, как здесь, хотя я не был священником, но простым монахом, – и в этом вижу я победительную силу истинной веры.

От природы здешние жители наделены недюжинной физической силой, они красивы и стройны, особенно молодежь, но и старшее поколение сохраняет величественную осанку до глубокой старости, и всем им присуща поистине королевская гордость. Местные женщины прелестны. Обычно у них золотистого цвета волосы, которые они заплетают в косы и укладывают в красивые прически. Очень любят они и украшения из драгоценных камней – рубинов и агатов, которыми пользуются с большим вкусом. Надо признать, многим они к лицу и замечательно гармонируют с карими глазами, типичными для этого народа. Мне говорили, что среди мужчин горной страны распространен обычай добиваться благосклонности девушки в поединке. Ах! Какие только страсти не бушуют в груди человека! Но, поскольку достоверно мне об этом ничего не известно, а сам я никогда не испытывал и не испытаю подобных греховных порывов, едва ли я могу судить и осуждать других.

VII

Я вновь увидел прекрасную дочь палача. Это случилось, когда колокола сзывали верующих к мессе. Я увидел ее напротив монастырского храма.

В тот день я был рассеян и мысли мои были печальны. Утро я провел у постели больного и потому, увидев в толпе свежее лицо ее, я обрадовался и хотел подойти, чтобы благословить ее, но глаза ее были опущены долу; она не заметила меня. Вся площадь перед храмом была заполнена людьми. Мужчины и юноши с одной стороны – их высокие шляпы колыхались над толпой, с другой – почтенные матери семейств и незамужние девушки, – там и сям сияло золото и драгоценные камни их украшений. Народу на площади было так много, что буквально негде было и яблоку упасть, но, когда бедное дитя приблизилось, все расступились, перешептываясь и глядя на нее, кто с презрением, кто со страхом, словно на прокаженную.

Сострадание переполнило мое сердце, я последовал за нею и, догнав, произнес:

– Господь благословляет тебя, Бенедикта.

Она отшатнулась, словно испугавшись, потом взглянула и узнала меня, но ничего не сказала, только румянец окрасил ее щеки, и она опустила голову.

– Ты боишься заговорить со мной? – спросил я ее.

Она молчала.

– Будь благочестива, молись усердно, не бойся никого, и душа твоя будет спасена, – произнес я.

– Спасибо, мой господин.

– Я не господин, Бенедикта, – ответил я, – а всего лишь ничтожный слуга Божий. Только Бог – милостивый Господин наш и любящий Отец всем нам, как бы низко иные не пали. Молись Ему, когда тяжело у тебя на сердце, и Он не оставит тебя.

Пока я говорил, она смотрела на меня, повернув голову так, как смотрит провинившееся дитя на свою мать, поучающую его. Сердце мое преисполнилось состраданием. Мы шли, ничего не замечая кругом, приближаясь к церкви.

Ворота ее распахнулись, и я ввел ее (О, Господи, прости мне мое прегрешение!) – дочь палача – во храм – прежде всех иных прихожан.

VIII

Отец-настоятель послал за мной и, когда я пришел, стал упрекать меня. Он сказал, что мое поведение вызвало великое неудовольствие среди братии и мирян.

– Вижу я в том руку врага человеческого, – произнес он, – иначе, зачем ты ввел во храм дочь палача прежде всех?

Что я мог сказать на это, кроме того, что я посочувствовал бедной девушке, и то, что я совершил, совершил только из жалости?

– Почему ты пожалел ее? – спросил меня настоятель.

– Потому, что все люди презирают ее, – ответил я, – словно она совершила смертный грех, но она невинна. Ведь нет на ней той вины, что отец ее – палач. Да и – увы! – кто-то должен быть палачом.

О, святой Франциск, и зачем я только сказал это? Как только не бранил меня отец-настоятель за дерзкие слова мои!

– Раскаялся ли ты теперь? – завершил он вопросом свою речь.

Но как я мог раскаяться в сострадании – ведь сострадание мое было угодно Богу?

Обнаружив, что я упорствую, настоятель очень опечалился. Долго говорил он о кознях дьявола и в конце концов отпустил меня, наложив тяжкую епитимью. Я принял наказание смиренно и не ропща, и теперь заточен в свою келью, где провожу время в молитве и посте. Но не заточение терзает меня, а мысль о несчастной, одинокой и презираемой деве.

Так, погруженный в свои мысли, я стоял подле зарешеченного окна своей кельи, глядя на горные вершины, загадочно чернеющие на фоне вечернего неба. Было тепло, и я распахнул створки окна. В комнату ворвался свежий воздух, а с ним и звуки потока, ревающего где-то далеко внизу, который пел свою вечную песню – мягко ободряя и утешая меня.

Не помню, упоминал я прежде или нет, что монастырь наш воздвигнут на скале, нависшей высоко над рекой. Прямо напротив окон наших келий громоздились вершины величественных утесов, достичь которых можно только с риском для жизни. Поэтому нетрудно вообразить мое удивление, когда внезапно я увидел фигуру человека, что карабкался по склону одного из них. Вот он добрался до вершины, подтянулся на руках и выпрямился, застыв на самом краю. В наступивших сумерках я не мог с точностью разглядеть, кто или что это. Мне даже почудилось, что один из демонов ада пришел искушать меня, и я осенил себя крестом и сотворил молитву. В этот момент фигура взмахнула рукой и что-то белое влетело в окно, ударило мне в голову и упало на пол кельи. Я наклонился и поднял предмет. Это был венок из цветов – прежде таких я никогда не видел. Белые, как снег, мягкие, как бархат, они были лишены листьев и совсем не пахли. Я подошел поближе к окну, чтобы получше разглядеть чудесные цветы... Взгляд мой вновь обратился к фигуре на вершине холма, и я услышал нежный звонкий голос, прокричавший мне:

– Это я, Бенедикта!.. Спасибо тебе!..

О, Господи! Это была она... Невинная дева!.. Она захотела отблагодарить и утешить меня в одиночестве и скорби – и ее не утратили ни крутые склоны, ни одиночество. Значит, она знала о том, что я наказан из-за нее. Она даже знала келью, где я нахожусь.

Я видел, как она наклонилась вниз, разглядывая страшный обрыв, над которым стояла. Помедлив мгновение, она махнула мне рукой и... исчезла. Помимо воли я вскрикнул – неужели она упала? Я сжал руками железные прутья оконной решетки и рванул их на себя, но та не двинулась с места. В отчаянье я бросился на пол, стеная и плача, и умолял всех святых защитить и спасти несчастное дитя. Я преклонил колени и молился истово, когда услышал ее голос – Бенедикта подавала мне знак, что спуск закончился благополучно.

Она крикнула. Я никогда больше не слышал ничего подобного – так могла кричать только Бенедикта, – только в этом крике было так много искренней

радости жизни и задорного веселья. Таким звонким мог быть только ее голос – только он, неискаженный эхом, мог долететь сквозь теснины до окна моего узилища. Звук ее голоса так глубоко тронул мою душу, что я не выдержал и разрыдался, и слезы окропили венок из прекрасных диких цветов и мои руки, сжимавшие его.

IX

Будучи монахом-францисканцем, я не мог оставить у себя драгоценный дар, что преподнесла мне Бенедикта. Я возложил ее цветы у ног святого Франциска, изображенного на фреске на одной из стен монастырского храма.

Я узнал название тех цветов: из-за их оттенка и потому, что они прекраснее всех иных, их называют эдельвейсами – «благородно-белыми». Они очень редки в этой горной стране и встречаются только очень высоко в горах, чаще всего на недоступных вершинах, по краям страшных пропастей в сотни метров глубиной – там, где любой неверный шаг отважившегося собирать их может стать последним.

Эти прекрасные цветы – настоящая дьявольская напасть горной страны: много страшных смертей на их счету. Здешняя братия рассказывала мне, что не бывает года, когда бы не погиб какой-нибудь пастух или охотник, или просто дерзкий юноша, соблазнившись редкой красотой этих цветов и пытаясь собрать букет для своей любимой.

Господи! Будь милостив к ним и упокой их души!

X

Я, должно быть, побледнел, когда во время ужина один из братьев сказал, что на стене храма, рядом с изображением святого Франциска, он обнаружил венок из эдельвейсов такой редкостной красоты, что сорваны они были не иначе, как на склоне огромного утеса, что нависает на высоте тысячи футов над Мертвым

озером – все знают, что только там растут такие цветы. Надо сказать, в трапезной часто возникали разговоры о Мертвом озере, и монахи часто рассказывали о нем страшные истории: о том, насколько сумрачны и глубоки его воды, и о том, сколь уродливые существа населяют берега и глубины его.

Посему эдельвейсы Бенедикты вызвали среди монахов много толков и пересудов – всем им было хорошо известно, что лишь самые отчаянные из охотников отваживаются посещать берега таинственного озера. О, Бенедикта – нежное дитя, превзошедшее храбростью многих! Она блуждала там совершенно одна, в страшной дикой местности, она преодолела чудовищную отвесную стену, чтобы добраться до того места, где растут цветы, которые она собрала в благодарность мне. Я ни минуты не сомневался, что это сам Господь Бог хранил ее от опасностей для того, чтобы я, ничтожный слуга Его, смог угледеть в том верный знак, что я должен трудиться не щадя живота своего и спасти ее грешную душу для вечного блаженства.

Стало известно мне и иное: в этой стране прекрасные цветы еще и знак глубокой и искренней любви – юноши дарят их своим избранницам, а девушки украшают ими шляпы своих возлюбленных. И мне стало ясно, что, даря цветы мне, скромному служителю Божьему, Бенедикта, может быть, сама о том не догадываясь, дарила их Церкви, движимая любовью к Богу.

Постепенно я привыкал к этой горной стране. Дни проходили за днями, и я уже без труда находил тропинки в лесах, темных ущельях и на склонах гор, когда бродил по окрестностям.

Меня часто посылали в дома крестьян, хижины охотников и пастухов, и я нес – кому лекарство от недуга, а кому и последнее утешение для души. Отец-настоятель говорил мне, что видит большой смысл и пользу в том, что я делаю, к тому же я был самым молодым и сильным из монахов и мне было легче, чем другим братьям, добираться в самые отдаленные уголки страны. Здесь, в этой горной местности, нередко случалось, что охотник или пастух срывался со скалы, и находили его не сразу – днями позже, едва живого. Медицина была бессильна, тут я и приходил на помощь: если нельзя врачевать тело, то надо подготовить душу и проводить ее в последний путь.

Это высокая честь, и если я ее достоин, то пусть Всевышний очистит мое сердце и оградит душу от всех земных страстей и соблазнов.

Монастырь отмечал большой церковный праздник, и я хочу рассказать о событиях, которым был свидетелем.

За много дней до праздника начались приготовления. Все братья очень старались, и всем нашлось дело. Одни украшали храм сосновыми и еловыми ветвями. Другие собирали цветы. Особенно замечательны были альпийские розы – стояла середина лета, и по склонам гор они цвели в изобилии. Из них вили гирлянды, которыми украшались здания монастыря. За всеми приготовлениями неустанно наблюдал сам отец-настоятель.

Утром праздничного дня был крестный ход. К вящей славе Святой Церкви это было прекрасное и грандиозное зрелище. Отец-настоятель важно выступал впереди, а над ним колыхались пурпурные шелка балдахина. Рядом с ним шли и другие отцы церкви, а он сжимал в руке святое распятие. Я и вся братия двигалась следом, неся зажженные свечи и распевая псалмы. А за нами и миряне, огромной толпой, одетые в свои лучшие одежды.

Однако наиболее живописную часть процессии составляли горцы и рабочие соляных копей. Во главе их, на прекрасной лошади, в роскошных одеяниях двигался сам Соляной мастер. Он выглядел величественно: с саблей на боку, в шляпе, украшенной перьями, над высоким благородным лбом. Следом за ним, тоже верхом, двигался Рохус – его сын. Когда мы остановились у входа в монастырь, я попытался повнимательнее рассмотреть юношу, и тот показался мне пустым и самовлюбленным человеком. Даже здесь он вел себя легкомысленно: сбив шляпу набекрень, с вожделием разглядывал девушек и женщин. На нас, монахов, он глядел презрительно. Боюсь, он не был добрым христианином, но более красивого существа мужского пола я никогда не встречал: высокий и стройный, как молодая ель, с золотистого цвета локонами и светло-кариими глазами.

Управляющий соляными копиями был очень важным лицом в этом краю. Властью он обладал не меньшей, нежели наш настоятель. По закону он назначался самим герцогом и к тому же обладал всей полнотой судебной власти. Он мог даже осудить человека на смерть, если тот обвинялся в убийстве или в другом не

менее тяжком преступлении. Но, к слову сказать, Всевышний поступил справедливо, наделив огромной властью именно этого человека, – он сочетал в себе твердость с мудростью и рассудительностью.

Миновав деревню, процессия спустилась в долину, а оттуда к соляным копиям. У входа в главную шахту все остановились. Здесь был сооружен алтарь, и наш отец-настоятель начал службу. Все преклонили колени. Оглянувшись, я увидел, что и управляющий, и его сын также опустились на колени, обнажили и склонили головы, но сделали это с таким очевидным неудовольствием, что сердце мое преисполнилось печалью.

После мессы процессия двинулась дальше – к огромной скале, которая стояла даже выше той горы, где располагался монастырь, и оттуда открывался великолепный вид этого горного края. Достигнув вершины, наш настоятель вознес распятие, чтобы разрушить власть дьявольских чар, окутавших эти вершины. Затем он сотворил молитву и провозгласил анафему нечистой силе, кишасей в долине. И следом зазвонили колокола во славу Господа нашего. И это было так возвышенно и прекрасно, словно ангельские голоса достигли наших диких мест.

Я снова оглянулся, пытаюсь разглядеть в толпе прекрасную дочь палача, но тщетно. Я не знал – радоваться мне, что ее нет здесь и что ее не коснется презрение этих людей – или печалиться, лишенному ее небесной красоты, питающей меня духовной силой.

После торжественного богослужения наступил черед застолья. На лугу под деревьями были накрыты столы, за которыми теперь расселись миряне и лица духовного звания. Почетные места были отведены отцу-настоятелю и управляющему соляными копиями. Для меня все это было внове, и я с интересом наблюдал за происходящим. Невдалеке был сооружен большой очаг и разведен огонь. Было очень интересно наблюдать, как слуги нанизывают огромные куски мяса на вертела и обжаривают их, поворачивая над пылающими угольями до тех пор, пока те не покроются коричневой корочкой, а затем несут пирующим. В огромных чанах варили душистый отвар из трав. К пиршеству было выпечено много пшеничного хлеба, и теперь он горами лежал в огромных плетеных корзинах. Что касается горячительных напитков, то и в них не было недостатка. И наш отец-настоятель, и управляющий копиями – каждый – приказали выставить по огромной бочке пива. Оба этих, чудовищного размера, сосуда, теперь стояли в тени древнего дуба, водруженные на внушительные деревянные помосты.

Вокруг них суетилась, разливая напиток, наша младшая братия, под водительством почетного брата-келаря и слуги господина Мастера. Слава святому Франциску! Не кривя душой, я могу сказать, что наш сосуд был значительно больше стоявшего по соседству.

Отдельные столы были накрыты для отца-настоятеля и иерархов церкви, для управляющего соляными копиями и светской знати. Кресла этих мужей стояли во главе столов на прекрасных коврах, а над их головами, чтобы защитит от солнца, был натянут шелковый полог. Не только мужчины сидели здесь, было много прекрасных знатных дам и их дочерей, которые приехали со своими мужьями из дальних и окрестных замков принять участие в празднестве. Я прислуживал за столом: подносил блюда, наполнял бокалы и могу заверить, что аппетит у гостей был отменный, особенно по вкусу всем пришлось пиво – золотисто-коричневый, горький, терпкий напиток. Видел я и сына управляющего, восседавшего там же, и его похотливые, сальные взгляды, что бросал он на женщин, и это сильно смущало меня – ведь не мог же он жениться на каждой, особенно на тех, что были уже замужем.

Звучала на нашем празднике и музыка. Музыканты были местные, из окрестных деревень. И хотя они не были профессионалами, играли они, на мой вкус, замечательно, выводя на своих флейтах и скрипках замысловатые мелодии – такие задорные, что ноги сами пускались в пляс. Впрочем, Господь не дал мне музыкального слуха, и для искушенного уха, может быть, их музыка и не показалась бы хорошей, но мне их игра нравилась.

Если бы наш святой покровитель видел этот праздник, устроенный в его честь, думаю, зрелище его порадовало бы – так много людей ели и пили в его славу. И как ели! Но огромное количество пищи, которое они поглощали, не шло в сравнение с тем, что было выпито. На мой взгляд каждый из пирующих должен был осушить, по меньшей мере, баррель жидкости. Но не все пили – женщинам и молодым дамам, в особенности, пиво, похоже, внушало отвращение: много раз я видел, как юноши, наполнив пенным напитком, протягивали чашу своим спутницам, и те, едва пригубив, с гримасой неудовольствия на лице возвращали ее обратно.

После пиршества начались игры – в них молодые люди старались показать свою силу и ловкость. Святой Франциск! Это было замечательное зрелище! Они бегали, прыгали, боролись друг с другом, и в них чувствовалась медвежья сила. Зрелище это и необузданные страсти, кипевшие в его участниках, внушали мне

ужас. Но девушки, ради которых это состязание и затевалось, не испытывали ни страха, ни возмущения. Напротив, они весело смеялись, и им, без сомнения, нравилось происходящее. Их звонкому смеху вторил хохот молодых горцев – участников состязаний: они оглушительно смеялись, высоко запрокинув головы, до тех пор, пока звуки их голосов, многократно усилившись, не отражались эхом от горных склонов и скатывались в ущелья, как будто вырвавшись из глоток легиона демонов преисподней.

Сын Мастера был первым среди первых. Он прыгал, как олень, дрался, как черт, и голос его был подобен реву дикого буйвола. От меня не укрылось, что многие завидовали его красоте и силе, а некоторые втайне ненавидели его, но все – повиновались ему беспрекословно. Действительно, это было замечательное зрелище: видеть, как он владеет своим худощавым телом, как легко даются ему прыжки и игры, как гордо он вскидывает голову – подобно благородному оленю, как встряхивает своими золотыми кудрями, как стоит в окружении своих сверстников – румяный и сияющий, с горящими глазами. И как прискорбно было сознавать, что страсти и гордыня уже навсегда поселились в этом прекрасном теле, казалось бы, специально созданном для того, чтобы вместить душу, способную прославлять Создателя!

Уже начинало смеркаться, когда настоятель, Мастер, святые отцы и все знатные гости поднялись со своих мест и отправились по домам на отдых. Для остальных праздник продолжался, продолжались возлияния и танцы. Поскольку я вместе с отцом-келарем выполнял обязанности виночерпия, то и дело наполняя пивом кружки из огромной бочки, то мне пришлось остаться. Остался и молодой Рохус. Не знаю, как это случилось, но неожиданно он очутился возле меня. Взгляд его был тяжел и говорил он надменно.

– А, это ты, монах... – произнес он. – Тот самый, что умудрился на днях оскорбить весь честной народ.

Я постарался ответить, как и подобает, – смиренно, но почувствовал закипающую во мне греховную ярость:

– О чем ты говоришь?

– Будто не знаешь... – с насмешкой в голосе сказал он. – А теперь запомни, что я скажу. Если ты еще хотя бы раз заговоришь или еще как-то проявишь свое

доброе отношение к этой девчонке, я тебе преподам урок, который ты не скоро забудешь. Вы, монахи, привыкли величать свое бесцеремонное нахальство добродетелью, но я-то этот трюк знаю, и тебе не удастся водить меня за нос. Запомни это, ты – монашек, а то не спасут тебя ни твоя смазливая физиономия, ни твои наивные глазки.

С этими словами он повернулся ко мне спиной и зашагал восвояси, но я еще долго слышал в ночи его голос – сильный и звонкий, его песни и его смех. Ни к чему скрывать – то, что этот грубый, наглый человек неравнодушен к прелестной дочери палача, сильно взволновало меня. Я понял, что его чувства к ней лишены благородства, иначе он, напротив, стал бы благодарить меня за доброту, проявленную к ней. Страх за судьбу бедной девочки охватил мою душу, и вновь в молитве я обратился к своему святому хранителю, словно обещая ему, что неусыпен буду в заботах о ней, оберегая ее так, как он повелел мне. И я ощутил, как восхитительная божественная сила вливается в мои жилы, укрепляя меня. О, Бенедикта, я не буду слаб на моем пути: ты должна быть спасена – и тело твое, и душа твоя!

XII

Но продолжу свой рассказ.

Парни притащили большую вязанку сухого хвороста и бросили ее в костер. Пламя вспыхнуло с такой силой, что осветило весь луг и кроны деревьев. Веселье продолжалось, продолжались и танцы. Деревенские парни, обняв своих подружек, кружились так, что дух захватывало даже глядя на них. Святые угодники, что это было за зрелище! Мелькали шляпы, колени, пятки. А как легко они отрывали от земли и поднимали в воздух девушек – крепких, румяных, ядреных, – будто те весили не больше перышка! А как они смеялись и кричали, словно демоны тьмы вселились в них, и нетрудно было представить, что не люди это танцуют, а веселятся четвероногие твари. К тому же, желудки их были полны пива, которое по крепости и горечи своей, поистине, было дьявольским напитком.

Вскоре пьяное безумие охватило многих из них, и они, разделившись на две враждебные группы, бросились друг на друга с кинжалами и ножами. И такой

бешеной злобой пылали их лица, словно они действительно задумали смертоубийство. Неожиданно Рохус, который не принимал участия в драке и стоял в стороне, наблюдая, бросился в гущу дерущихся, схватил двух противников за волосы и, разведя в стороны, стукнул их лбами с такой силой, что носом у них пошла кровь. Я думал, что их головы должны были расколоться, как яичная скорлупа, но, вероятно, противники попались особенно крепкоголовые и, казалось, вообще почти не пострадали. После шума, криков и недолгой возни, Рохусу удалось восстановить порядок, и поступок его, мне, ничтожному, показался героическим. Снова заиграла музыка: звуки скрипок и флейт огласили поляну, и бывшие противники, словно ничего не произошло, в порванных одеждах, с исцарапанными и помятыми лицами, вновь пустились в пляс. Воистину, возрадовались бы сердца Велиала и Олоферна, глядя на этих людей!

Я едва успел справиться со страхом, как Рохус устроил меня еще сильнее. Он танцевал со стройной, красивой девушкой. Их пара смотрелась прекрасно: юный король и его юная королева. Они танцевали так величественно и в то же время так грациозно, что все невольно смотрели на них с восхищением. На губах девушки застыла торжествующая улыбка, глаза мечтательно сияли, и, казалось, ее лицо, вся она говорила: «Смотрите! Я – повелительница его сердца!» Но внезапно он оттолкнул ее, будто с омерзением, бросился вон, сломав круг танцующих, и закричал, обращаясь к своим друзьям:

– Эй! Кто со мной? Я собираюсь привести ту, которая мне нужна...

Его партнерша, взбешенная оскорблением, стояла молча, глядя на него. Лицо ее исказила страшная гримаса, черные глаза горели зловещим огнем. Но ее замешательство не укрылось от пьяной компании и было отмечено громким издевательским хохотом.

Рохус между тем схватил пылающий факел и, высоко подняв его над головой, закричал снова:

– Ну, кто со мной? – и, не дожидаясь ответа, повернулся и быстро пошел в лес. Остальные, похватав факелы, пустились вдогонку за своим вожаком. Вскоре они растворились в темноте, но голоса их звонко разносились в ночи.

Я стоял, глядя туда, куда они отправились, когда ко мне шагнула оскорбленная девушка и что-то прошептала мне на ухо. Я чувствовал ее горячее дыхание на щеке.

- Если вам жаль дочь палача, - сказала она, - тогда бегите и спасите ее от этого пьяного чудовища. Ни одна женщина не сможет сопротивляться ему.

Господи! Как испугали меня страшные слова этой женщины! Я не сомневался в их правдивости.

- Но что я могу сделать? - спросил я. - Как мне спасти ее?

- Беги и предупреди ее, монах, - ответила женщина. - Она послушается тебя.

- Но они доберутся быстрее, чем я.

- Они пьяны и не будут слишком торопиться. К тому же я знаю одну тропу к хижине палача. Этот путь короче.

- Тогда показывай ее! И скорее! - вскричал я.

Она двинулась вперед, побуждая меня последовать ее примеру. Скоро мы уже были в лесу. Такая тьма окружала нас, что я едва различал фигуру женщины, она же ступала так быстро и уверенно, словно при свете дня. Вскоре где-то далеко внизу по склону мы увидели огни факелов. Стало ясно, что они идут длинным путем. Я слышал их дикие крики и содрогался при мысли о бедной девушке. Некоторое время мы шли молча. Наши недруги остались позади. И тут я услышал, как молодая женщина вдруг заговорила сама с собой. Поначалу я ничего не мог разобрать, но вскоре стал различать каждое ее слово.

- ...Он не получит ее! К дьяволу его вместе с этим отродьем палача! Каждый презирает ее... а ему - как это на него похоже - наплевать, что думают и говорят люди. Он и любит, потому что все ненавидят... Да, конечно, мордашка у нее симпатичная... Я сделаю ее еще краше! Она еще умоется кровью!.. Даже если бы она была дочерью самого дьявола, он все равно не успокоится, пока не получит ее... Ну так нет! Не получишь!

Она воздела руки к небу и засмеялась, засмеялась так дико, что я содрогнулся, услышав ее хохот. Я подумал о тех мрачных, таинственных силах, что обитают в человеке... Как мало я знал об этом!.. И слава Богу!

Вскоре мы пришли. Несколько шагов отделяло нас теперь от двери в хижину.

– Здесь она живет, – сказала моя спутница, указывая на небольшое строение, сквозь окна которого пробивался желтый тусклый свет свечи. – Иди, предупреди ее. Палач – ее отец – болен и не сможет защитить дочь, даже если и осмелится сделать это. Лучше всего будет, если ты уведешь ее отсюда. Веди ее туда, – она показала направление, – в дом моего отца. Они не станут ее там искать.

С этими словами она покинула меня и растворилась в темноте.

XIII

Заглянув в окно хижины, я увидел палача. Он сидел на стуле. Рядом с ним стояла его дочь, положив руки на его плечи. Я слышал его кашель и тяжелое, надсадное дыхание и знал, что она жалеет его и, утешая, пытается уменьшить боль, измучившую его. Все ее лицо, казалось, – сама любовь и печаль – и не было в то мгновение ничего прекраснее на свете.

Я перевел взгляд на убранство комнаты и мне сразу бросилось в глаза, как все чисто и аккуратно. Жилище было убого, но казалось таким умиротворенным, что, верно, и его не минула Божья благодать. А эти ничтожные люди презирают и ненавидят их, как смертельных грешников! Возрадовалась моя душа и тогда, когда я увидел на противоположной от окна стене светлый образ Святой Девы. Лик Ее был украшен полевыми цветами и прекрасными эдельвейсами.

Я постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, произнес:

– Не бойтесь меня. Это я – брат Амброзий.

Мне показалось, что, неожиданно услышав мой голос, лицо Бенедикты на мгновение озарилось светом радости... Но, может быть, я ошибся, и то было

просто удивление (да уберегут меня святые ангелы от греха гордыни). Она подошла к окну и распахнула его.

– Бенедикта, – произнес я, ответив на ее приветствие, – я пришел предупредить тебя, что сюда идут... мерзкие, пьяные... С ними Рохус, он сказал, что хочет танцевать с тобой. Внизу праздник, ты знаешь. Я успел раньше, чем они, я хочу помочь тебе... Беги, Бенедикта!..

При имени Рохуса я увидел, как зарделись ее щеки и все лицо залило румянцем. Увы, вероятно, права была моя ревнивая спутница – ни одна женщина не может устоять перед ним, даже она, Бенедикта – чистое и набожное дитя. Когда ее отец уразумел смысл моих слов, он встал и развел свои руки в стороны, будто хотел защитить ее. Велика была сила его духа, но бессильно, как знал я, больное тело.

– Разрешите мне увести ее, – сказал я ему. – Парни пьяны и не соображают, что делают. Твое заступничество может разозлить их, и тогда достанется и ей, и тебе. Ох!.. Смотрите! Видите огни? Это их факелы... Слышите? Это их голоса! Умоляю, Бенедикта, торопись, торопись!

Отец ее зарыдал. Она бросилась к нему и стала его успокаивать. Затем метнулась из комнаты и, осыпав руки мои поцелуями, побежала вниз к лесу, чем я был немало удивлен. Вскоре она исчезла из виду. Я ждал, что она вот-вот вернется, но минуло несколько минут – она не появилась. Я вошел в хижину. Мне казалось, я должен защитить отца ее от пьяной компании, которая с минуты на минуту будет здесь.

Но они не пришли. В смятении размышлял и ждал я. И через какое-то непродолжительное время до нас донеслись радостные крики и возгласы – они заставили меня содрогнуться и воззвать к милости Святой Девы. Но вскоре звуки растаяли вдали, и я понял, что они повернули обратно – туда, где продолжался праздник. Несчастный больной старик и я возблагодарили Бога за чудесное избавление. Затем, попрощавшись с ним, я вновь ступил на тропу, которой пришел сюда.

Когда я наконец добрался до поляны, до меня долетели звуки радости и веселья, и мне показалось, что они стали громче, чем прежде. Я подошел ближе и сквозь листву деревьев увидел поляну, залитую светом костра, вокруг

которого танцевали юноши и девушки – они были без головных уборов, и волосы свободно струились по их плечам, одежда в беспорядке, а движения неистовы. Они неистовствовали у костра, и его свет отбрасывал на их лица красные и черные тени... Жутким представилось мне это зрелище – словно не люди то были, но демоны преисподней собрались на свой зловещий шабаш. И... О, Боже! Среди этого безумства, в самом его центре, казалось, далекие от всего происходящего, танцевали Рохус и Бенедикта!

XIV

О, Матерь Божья! Что может быть горше зрелища падшего ангела? Я увидел и понял, что Бенедикта, расставшись со мной и отцом своим, бросилась в объятия того, от кого я пытался ее спасти!

– Эта отвратная девка сама сиганула в руки Рохуса! – прошипел некто совсем рядом со мной. Оглянувшись, я узнал ту самую высокую кареглазую девушку, что была моим проводником. Лицо ее исказилось ненавистью. – Как я жалею, что не убила ее. Ничтожный, глупый монах, как же ты допустил, что так случилось?

Я оттолкнул ее в сторону и побежал к танцующим, совершенно не соображая, что делаю. Да и что я мог сделать? Но не успел я приблизиться, пьяная компания, может быть, чтобы помешать мне, а может быть, даже и не замечая меня, взялась за руки и образовала хоровод – живой круг вокруг Рохуса и Бенедикты, шумом и выкриками выражая восхищение ими.

Сказать по правде, вид танцующей пары радовал взгляд. Он – высокий, стройный, излучающий жизненную силу, являл собой образ легендарных древних греков, а Бенедикта, воистину, была феей из сказки. Близился рассвет, на луг уже ложился туман, и ее трогательная фигурка, покачиваясь, как бы плыла, окруженная магической дымкой, а одежда ее казалась сотканной из пурпурных и золотых нитей волшебной паутины. Ее глаза скромно были опущены долу, лицо светилось внутренним вдохновенным светом, и, казалось, вся ее душа, без остатка, растворилась в танце. Бедное, чистое дитя! Ее безграничная наивность заставляла рыдать меня, но я прощаю ее. Жизнь ее была столь скудна и безрадостна! Что ж в том такого, что она так любит танцевать? Да благословят ее небеса! Но Рохус!.. Боже, помилуй и его!..

Пока я смотрел на них и думал о том, что я должен предпринять, моя ревнивая спутница – звали ее Амалия – стояла рядом со мной, изрыгая проклятия и богохульствуя. Все смотрели на танцующих, и когда восхищенные зрители заплодировали им, злоба, охватившая Амалию, словно выплеснулась наружу, и женщина, протянув руки вперед, рванулась к сопернице, стремясь задушить ее, но я преградил ей путь и предостерегающе крикнул: «Бенедикта!»

Она оглянулась на звук моего голоса и легким наклоном головы подала знак, что слышит, но танец не прервала. Амалия, остановленная мной на мгновение, уже не в состоянии далее обуздать свою ярость, бросилась вперед с диким воплем... Но ей не суждено было добраться до танцующих – пьяные друзья Рохуса помешали ей сделать это. Они глумились над ней, и она, все более теряя рассудок, пыталась добраться до своей жертвы. Парни отталкивали ее прочь, смеялись и издевались над ней. О, святой Франциск! Когда я видел глаза Амалии, горящие ненавистью, ледяная дрожь охватывала мое тело. Господи, не оставь нас своей заботой! Я уверен, что она способна убить бедное дитя и возгордиться содеянным!

Уже давно я должен был вернуться в монастырь, но не мог уйти. Я думал о том, что может произойти, когда танцы закончатся. Мне говорили, что обычно после праздника молодые люди провожают своих подружек домой, и я ужасался при мысли, что Рохус и Бенедикта останутся вдвоем. Ночью, в лесной глуши...

Вообразите мое удивление, когда вдруг Бенедикта, будто очнувшись, подняла голову и прервала танец. Она мягко взглянула на Рохуса и сказала своим ясным, свежим голосом, в котором мне почудился перезвон серебряных колокольчиков:

– Благодарю вас, господин, – произнесла она, – что вы выбрали для танца меня и сделали это так по-рыцарски...

Затем она повернулась к нему спиной и, скользнув между зрителями, в мгновение ока исчезла в темной громаде леса. Рохус поначалу, казалось, остолбенел от удивления, но вскоре он осознал, что Бенедикта покинула его. Когда до его разума дошло это, страшно стало смотреть на него – он взбесился, как сумасшедший. Он заорал: «Бенедикта!» Он звал ее и другими именами, в которых звучала его любовь, но без толку – она исчезла. Затем он было схватил факел и хотел отправиться за ней в лес, но друзья удержали его. Тут он увидел, что я здесь, и с проклятьями бросился ко мне. Я подумал, что,

если у него хватит смелости, он сейчас ударит меня.

– Ну я еще тебе задам! – закричал он. – Ты у меня еще ответишь за это! Ты – ничтожный монашек!

Но я не испугался его. Во имя Господа! Бенедикта безгрешна и ни в чем не виновата. Я относился к ней так же, как и прежде. Но в ужасе содрогался я, думая о том, сколь много опасностей подстерегает ее. Она беззащитна, как перед ненавистью Амалии, так и перед вожделением Рохуса. Ах, если бы я мог быть всегда рядом с ней и защитить ее! Но я вручаю судьбу ее Тебе, о, Господи! – ибо знаю я, что ты не оставишь несчастное, осиротевшее дитя в небрежении.

XV

Увы! Несчастливая моя судьба! Вновь быть подвергнутым наказанию и не чувствовать своей вины.

Похоже на то, что Амалия не стала скрывать происшедшего, а напротив, стала болтать о Бенедикте и Рохусе. Негодная девица ходила по домам и рассказывала, что они «вытворяли» – Рохус и Бенедикта. Не только это она сочинила, но еще и то, как бесстыдно вела себя Бенедикта с пьяными парнями. Когда же люди обращались ко мне, зная, что я был там, я рассказывал то, что видел, и говорил правду.

Вот это-то, как оказалось, и оскорбило нашего отца-настоятеля. Он призвал меня и обвинил в том, что я защищаю нечестивую дочь палача, свидетельствуя против рассказа доброй прихожанки и истинной христианки. В ответ на обвинение я смиренно спросил, следует ли мне понимать Его Преосвященство таким образом, что должен я допустить, чтобы невинное и беззащитное дитя было оклеветано?

– Ответь мне тогда, – произнес он, – что движет тобой? Почему ты защищаешь дочь палача, закрывая глаза на очевидные факты? Более того, ты не можешь отрицать, что ее никто не понуждал присоединиться к пьяной компании. Она это сделала сама.

– Она вышла к ним, – отвечал я, – движимая одной лишь любовью к своему отцу. Потому что, если бы эти безумные молодые люди не обнаружили ее, они могли покалечить его. Она же любит его, а он болен и беспомощен. Так это было, и я свидетель тому.

Однако Его Преосвященство был непреклонен в своей уверенности в том, что я ошибаюсь, и я был сурово наказан. С радостью принял я тяжкую епитимью: пострадать за бедное дитя – это благо. Я не роптал на суровость отца-настоятеля, потому что он – мой пастырь, и первая – и святая – обязанность моя – повиноваться ему, а бунтовать, даже в мыслях, есть тяжкий грех.

Лишь одно тревожит меня – я волновался за Бенедикту. Не будь я заключен в своей келье, я бы отправился к ее хижине и, возможно, смог бы увидеться с ней. Я горевал, думая о ней, горевал так, словно она – моя сестра.

Душой и телом своим я принадлежу Господу Богу нашему, и нет у меня права любить кого-нибудь помимо Него – Он умер на кресте за наши грехи, потому любая иная любовь – это зло. О, Господи! А что, если это чувство, воспринятое мною как знак свыше, наставляющий спасти душу Бенедикты – есть любовь земная? Тогда – о, горе мне! – я иду по дороге, ведущей в ад! Но этого не может быть! Просвети и укрепи меня, святой Франциск, в надежде моей, что иду верным путем!

XVI

Я стоял подле окна моей кельи. Солнце село, и сумерки все выше карабкались по склонам гор из ущелья. В ущелье клубился туман, и был он таким густым и темным, что, казалось, подо мной разверзлась не пропасть, а мрачные воды огромного озера. Я думал, как могла Бенедикта выбраться из этих мрачных глубин, чтобы принести мне эдельвейсы, и мне чудилось, что я слышу, как срываются в пропасть камешки, случайно сдвинутые ее чудесной изящной ножкой. Но одна ночь сменяла другую, та – третью... Я вслушивался в звуки ветра, воющего в соснах: я внимал потокам воды, несущейся глубоко внизу, по дну ущелья; я слышал отдаленную песнь соловья, – только ее голоса я не слышал.

Каждый вечер туман поднимался из ущелья. Постепенно он густел и образовывал плотное, непроницаемое для взора облако. Оно покрывало горы, утесы и долину, что расстилалась далеко внизу, высокие сосны и снежные вершины горных пиков. Оно поглощало последние отблески солнца в вышине, и наступала ночь. Увы! И в душе моей царил та же ночь – черная, беззвездная, беспросветная, безнадежная...

Наступило воскресенье. Бенедикты не было в церкви на службе – ее «темный угол» остался пустым. Я так и не смог сосредоточиться на молитве, – мысли уносили меня к Бенедикте, – грех этот я искупил, добровольно подвергнув себя еще одному наказанию.

Я увидел Амалию. Она была среди женщин, но Рохуса, как ни пытался, я обнаружить не смог.

Служба подошла к концу. Клир и младшая братия с послушниками медленной процессией покинули храм, пройдя через ризницу, в то время как все остальные вышли через главный вход. Из ризницы мы должны были пройти длинной крытой галереей, откуда открывалась широкая панорама центральной площади города. Когда мы, младшая братия, шедшие за старшими, проходили по галерее, что-то случилось на площади. Привлеченные происходящим, мы остановились. То, что случилось дальше, я буду помнить и в день своей смерти – как могли допустить Небеса такое и с какой целью? Старшая братия, похоже, знала, что произойдет, и умышленно замешкалась, чтобы дать нам возможность увидеть случившееся на площади.

Сначала я услышал шум голосов. Он приближался, нарастал, подобно дьявольскому гулу преисподней. Поскольку я стоял в дальнем конце галереи, где не было окон, и не мог увидеть площадь, я обратился к брату, стоявшему у ближайшего от меня окна:

– Что там такое?

– Какую-то женщину ведут к позорному столбу, – ответил он.

– Кто она?

– Молодая девушка.

– Что она совершила?

– Ты задаешь глупые вопросы, брат мой. Кого могут вести к позорному столбу, кроме падшей женщины?

Я протиснулся к окну и наконец смог увидеть, что там происходит: распаленная, улюлюкающая толпа втягивалась на площадь. Тон задавала молодежь: они кричали, размахивали руками и распевали песню, судя по доносившимся словам, неприличного содержания. Казалось, они все охвачены безумием – так они неистовствовали и радовались позору и страданиям своей жертвы. Не лучше вели себя и женщины.

– Позор! Позор! Позор тебе, гадкая! – кричали они. – Смотрите, что бывает грешницам! И благодарите Бога, что мы милосердны...

И вот в самой гуще беснующихся мужчин, женщин, подростков... О, Господи! Как писать об этом? Как передать ужас всего увиденного? В самой гуще – она, прекрасная, чистая, невинная Бенедикта!

О, Небеса! Как я сумел, увидев все это, остаться в живых? Теперь я знаю, что тело и душа моя балансировали на грани жизни и смерти. Галерея, площадь, люди – все закружилось вокруг меня в сумасшедшем вихре; земля плыла под моими ногами, и хотя глаза мои были открыты, все вокруг было темно. Но, верно, это длилось недолго, я пришел в себя и снова увидел площадь, снова увидел ее.

Они обрядили ее в серый, длинный, бесформенный балахон, перетянув его на талии грубой веревкой. Голову венчал веночек, сплетенный из соломы, а на груди, на бечевке, переброшенной через шею, болталась черная табличка, на которой мелом крупно было написано одно слово – «шлюха».

Ее вели на веревке. Один конец охватывал ее талию, другой находился в руках мужчины. Я вгляделся в него пристальнее и... – о, Боже! – понял, что это был палач – отец Бенедикты! Они заставили несчастного старика исполнить в очередной раз обязанность палача – вести к позорному столбу собственную дочь! Позднее я узнал, что он на коленях умолял отца-настоятеля избавить его от этого, но тщетно.

Память о том, что я увидел, никогда не оставит меня. Палач все никак не мог оторвать глаз от лица дочери, а она все кивала ему в ответ и... улыбалась. Господи! Она – улыбалась!

Толпа бесновалась, оскорбляла, проклинала ее, плевала ей под ноги. Мало того, видя, что она не замечает бесчинств толпы, люди стали бросать в нее комья земли. Этого отец уже не смог выдержать и со стоном повалился без чувств на землю.

Ничтожные! Они захотели поднять его, чтобы заставить довести дело до конца, но Бенедикта, выбросив руку вперед в повелительном жесте, остановила их с выражением такой непередаваемой чистоты и нежности на лице, что даже эти озверевшие люди, ощутив исходящую от нее невидимую силу, расступились перед ней, оставив ее отца на земле. Она встала на колени и, обняв голову отца, наклонилась к нему, шепча что-то, успокаивая и ободряя его. Она ворошила его седые волосы и целовала в побелевшие уста до тех пор, пока он не пришел в себя и не открыл глаза. Бенедикта! Трижды благословенная Бенедикта! Воистину ты рождена святой, поскольку деяния твои являют поистине божественное смирение, подобное тому, с которым Христос нес свой крест и все грехи наши!

Она помогла отцу подняться и улыбнулась ему ободряюще, когда он утвердился на ногах. Она отряхнула пыль с его одежд и, все так же улыбаясь и шепча ему слова утешения, вручила ему конец веревки. Бесновалась толпа, неистовствовали юноши, кричали женщины, а несчастный старик вел свое невинное дитя к позорному столбу.

XVII

Когда я вернулся в свою келью, я пал ниц на каменные плиты и воззвал к Господу о жестокой несправедливости, свидетелем которой я был, и о еще большей жестокости, картина которой виделась моему мысленному взору. Я представил, как отец привязывает свое дитя к позорному столбу. Я видел, как ничтожные люди жестоко глумятся над несчастной. Я видел, как порочная Амалия плюет в невинное лицо. Я молился за бедное дитя, чтобы она нашла силы выстоять и пережить это великое горе.

Затем я поднялся и стал ждать. Я ждал захода солнца. Я знал, что несчастных освобождают с последними его лучами. Минуты казались часами, часы – вечностью. Солнце не двигалось. День позора отвергал ночь.

Напрасно я пытался осознать происходящее: я был ошеломлен и оглушен. Почему Рохус позволил, чтобы Бенедикта была опозорена? Неужели он думал, что, чем сильнее будет ее позор, тем легче будет ему заполучить ее? Не знаю, но я не мог найти для него иной причины. О, Господи! Помоги мне! Всем существом своим я ощущал, впитывал ее горе, ее позор. И вот тогда – о, Господи! – страшная догадка пронзила сознание твоего ничтожного слуги! Оно снизошло на меня как откровение небес: мое чувство к Бенедикте иного свойства, нежели я думал. Это земная любовь – любовь мужчины к женщине. Когда открытие это проникло в мой разум, у меня перехватило дыхание, сердце мое забило тяжело и быстро, мне показалось, что я задыхаюсь. Но несправедливость и жестокость, допущенная Небесами в отношении той, которую я обожал, была столь велика, что я не мог раскаяться полностью. Пораженный своим открытием, я ослеп: я не мог ясно представить степень своего грехопадения.

Даже сейчас я, уверовавший в данное мне свыше поручение спасти душу Бенедикты и подготовить ее к жизни в святости, не был убежден в том, что полностью ошибался. Это другое человеческое существо – разве оно не исходит тоже от Господа нашего? И разве оно не во благо? И что может быть лучше спасения души? Святая жизнь на земле и вечное счастье на Небе как награда. Убежден я, что божественная и плотская любовь не так уж и противоположны друг другу, как учили меня думать прежде, поскольку они суть выражение одной и той же воли. О, Святой Франциск! Великий груз этого открытия обрушился на меня... Направь мои стопы!.. Укажи моему ослепленному взору путь во благо Бенедикте!

Наконец солнце скрылось за горным хребтом. Облака собрались над горизонтом, из ущелья пополз туман, багровые отблески запылали на снежных склонах гор, отражая последние лучи солнца на вершинах.

О, Господи! Благодарю Тебя!

Она свободна!

XVIII

Я был очень болен, но, благодаря неустанной заботе братьев, наконец оправился достаточно, чтобы покинуть больничную койку. Верно, была на то Божья воля, чтобы я выжил и продолжал служить Ему, хотя и не сделал ничего, чтобы быть достойным милости Небес. В душе я ощущал сильное желание посвятить ничтожную жизнь свою Господу и служению Ему. Быть достойным Его и проникнуться уверенностью в Его любви – вот та единственная страсть, что руководила мной. Если действительно на челе моем печать Божья, этим чаяньям и надеждам суждено сбыться, – освобожденный от своей земной страсти к Бенедикте, я вознесусь к новой, более благочестивой жизни. И если произойдет это, я смогу оберегать и защищать ее лучше, чем я могу это делать сейчас, не боясь оскорбить Небеса и подвергнуть опасности свою душу.

Я был очень слаб. Мои ноги, подобно ногам маленького ребенка, отказывались нести мое тело. Братья свели меня в сад. С каким благоговением вновь смотрел я в синеву неба! Как восторженно я впивался взглядом в заснеженные вершины и темные леса на их склонах. Каждая травинка занимала меня, и я радовался каждой бабочке, каждому жуку, каждому насекомому, словно то были мои старинные приятели.

Глаза мои устремились на юг – туда, где была хижина палача, и я с грустью вспомнил о его прекрасной дочери. Что с ней сейчас? Смогла ли она пережить жестокость всего того, что случилось на площади? О, если бы у меня достало сил дойти до ее обители! Но мне не позволялось покидать стены монастыря, а те немногие, с кем я отваживался заговорить о ее судьбе, ничего о ней не знали. Странно вели себя братья мои, странно они смотрели на меня и обращались со мной – так, словно я уже не был одним из них и более не принадлежал к братству. Что произошло? Я любил их и желал жить с ними в гармонии. Они были вежливы и почтительны со мной, но, казалось, избегали меня. Что бы все это значило?

XIX

Я находился в покоях Его Преосвященства нашего настоятеля, отца Андрея.

– Твое исцеление воистину удивительно, – произнес он. – Я хочу, чтобы ты извлек урок из того, что случилось, и подготовил душу свою для той благодати, что ожидает тебя. Сын мой, – продолжал он, – я повелеваю тебе оставить обитель и нас, братьев твоих, на несколько месяцев. Ты будешь жить в одиночестве в горах. Там ты укрепишь дух свой и силы; это будет суровый экзамен, но ты сможешь выдержать его, и тогда тебе станет ясна глубокая пагубность твоих заблуждений. Молись, чтобы Божественный свет осветил твою тропу, и ты пошел верным путем службы Господу нашему – настоящим пастырем, которому никакие козни сатаны не страшны и чужды земные страсти.

Я не нашел, что ответить, и выслушал волю Его Преосвященства не ропща, поскольку смирение – одно из главных правил нашего Ордена. Хотя до меня доходили слухи, что край, в котором мне предстоит поселиться, кишит диким зверьем и демонами зла, я не боялся и сердце мое оставалось спокойным. Отец-настоятель прав: время, проведенное в уединении, будет для меня временем испытания, очищения и исцеления, в котором я, как мне – увы! – казалось, не нуждался.

В горах мне нашлась и обязанность – я должен выкапывать особые корни и отправлять их в монастырь. Из этих корней, как мне объяснили, монахи готовят ликер, известный повсеместно и особо почитаемый в Мюнхене. Напиток этот имеет дивный аромат и отличается удивительной крепостью – он так обжигает горло, словно вы глотаете не ликер, а толику дьявольского огня преисподней. А ценится он главным образом за свои удивительные медицинские свойства, и его используют как целительное средство при многих болезнях и недомоганиях. Говорят, что благотворен он и для душевного здоровья, хотя мне кажется, что благочестивая жизнь лучше даже этого чудесного напитка. Кроме того, средства, которые получает монастырь от его продажи – один из важнейших источников его доходов.

Коренья, которые идут на приготовление напитка, получают от альпийского растения под названием «джентчания», растет оно высоко в горах. Монахи выкапывают их летом – в июле и августе, сушат на огне в специальных жаровнях, а затем упаковывают и отправляют в монастырь. Только монахи имеют право добывать эти корни, и секрет изготовления напитка очень строго охраняется.

Поскольку я должен буду прожить некоторое время в горной стране, то отец-настоятель повелел и мне заняться сбором корней, когда будет у меня для того достаточно сил, разумеется. К месту, где мне предстоит жить, меня проводит мальчик, монастырский служка, он поможет отнести пожитки, пищу и незамедлительно вернется. Он будет приходить раз в неделю – приносить мне хлеб и забирать корни, которые я добуду.

Не стоило тянуть с переселением, и на сборы мне дано было немного времени. В тот же вечер, испросив благословения отца-настоятеля, я вернулся в свою келью и принялся собираться. Сначала в сумку я положил священные книги: «Деяния Апостолов» и «Житие Святого Франциска», затем письменные принадлежности и свой дневник. Закончив сборы, я укрепил душу свою молитвой и приготовился к любым испытаниям – даже к схватке с дикими зверями и демонами.

Святой Франциск! Прости меня за ту боль, что я испытал, покидая обитель. И тем горше она была, что, уходя, я не увидел Бенедикты и даже не знал, что с ней приключилось с того памятного, злополучного дня.

XX

Когда я и мой юный провожатый покидали монастырь, тот спал мирным сном. Души братьев моих пребывали в покое и согласии, которых я был так долго лишен. Занималась заря, и когда мы вышли из монастырских ворот, направляясь по тропе, уходящей в горы, первые лучи солнца едва позолотили кромку облаков на востоке. Мой проводник с сумкой на плече, подоткнув рясу, вел меня. Я поспешал за ним, держа в руке крепкий посох, – заканчивался он острым железным наконечником и в случае нужды мог служить оружием против диких зверей.

Мой проводник был очень юн, светловолос и голубоглаз. Щеки его горели румянцем, а лицо открыто и дружелюбно. Было заметно, что он в восторге от путешествия. Казалось, он не ощущал веса своей поклажи. Походка его была легка и свободна, шагал он уверенно. По тропе, пыльной и неровной, он скакал, как горный козлик.

Мальчишка был большим фантазером. Он рассказывал мне истории о привидениях и гномах, ведьмах и феях. Что касается последних, из рассказов вытекало его хорошее знакомство с предметом. Он говорил, что появляются феи в сияющих одеждах, у них чудесные белокурые волосы, а за спиной прекрасные крылья, и описания его, надо сказать, весьма походили на те, что мне доводилось читать в книгах нашей монастырской библиотеки.

– ...И если кто-то им особенно понравится, – рассказывал мальчуган, – то они так могут очаровать, что никакое заклятие не поможет, даже Святая Дева бессильна.

На это мне пришлось возразить, что сие справедливо только к тем, кто грешен, безгрешной же душе нечего их опасаться.

Наша тропа вилась меж холмов. Вверх и вниз мы шли через леса, цветущие луга и теснины, иногда путь нам преграждали водопады, срывающиеся с гор, шумливые и волнующие своей красотой. Порой казалось, что леса и холмы переговариваются между собой на разные голоса: то выкликая, то едва слышно нашептывая что-то, то распевая свои непонятные песни, но всегда – вознося хвалу Всевышнему. Часто на пути нам попадались хижины горцев, перед ними играли дети, белокурые и нечесаные. Завидев незнакомцев, они убегали со всех ног. Но женщины – их матери – шли нам навстречу, волоча за руки своих непоседливых чад, испросить благословения. Они угощали нас молоком и маслом, овечьим сыром и ржаным хлебом. Нередко мы встречали отцов семейств на пороге домов – они вырезали из дерева, чаще всего – изображение Христа на кресте. Потом их изделия шли на продажу, обычно в великий город Мюнхен, и приносили, как мне рассказывали, изрядный доход монастырю, а благочестивым мастерам почет и уважение.

Наконец дорога нас привела к большому озеру. Но густой туман скрывал очертания его берегов. Мы отыскиали лодку – утлое суденышко, и вскоре уже скользили по поверхности воды, но мне казалось, словно мы не плыли, а парили в небе в самой гуще облаков. Никогда прежде мне не доводилось плыть по водам, и теперь я пребывал в смятении: все казалось, что вот-вот мы перевернемся, и утлый челн пойдет ко дну. Ни звука не доносилось из тумана, только волны бились о тонкий борт. То здесь, то там из мглы внезапно возникали какие-то зловещие тени, но, едва возникнув, так же внезапно исчезали, и вновь мы скользили по пустоте. Но иногда, на мгновение, туман вдруг поднимался, и тогда я видел, как зловещие черные скалы нависают над озерной гладью, а

у недалекого берега, полузатопленные, громоздятся гигантские деревья, вздымая из воды голые ветви крон, огромные и причудливые, словно кости древних ископаемых чудовищ. Зрелище это было столь ужасным и пугающим, что даже мой неунывающий отрок притих и пристально вглядывался в туман, пытаясь обнаружить новые опасности.

Из этих примет я уяснил, что мы пересекаем озеро, таящее множество опасностей, что воды и берега его населены духами зла и демонами, и потому я покорился судьбе и душу свою вручил Господу. Сила Господня пересилит любые козни дьявола. Едва последние слова моей молитвы к Богу против сил тьмы слетели с уст, как туман внезапно прорезал луч света, и засияло солнце, обрядив мир в одеяние из всех цветов радуги и золота!

Зажглось солнце, и сгнула тьма. Густой туман сменился сначала неясной полупрозрачной дымкой, а затем, чуть помедлив на склонах гор, исчез, укрывшись в мрачных расщелинах скал. Поверхность озера теперь казалась залитой серебром, окружавшие его горы сияли золотом, а леса под лучами солнца словно пламенели. Сердце мое переполнилось восторгом и благоговением.

Когда лодка наконец приткнулась к берегу, я осмотрелся. Озеро лежало в длинной, узкой ложбине. Справа громоздились скалы, их вершины поросли дикими соснами, но слева и перед нами лежала маленькая чудесная страна, и в центре ее высилось большое здание. То была обитель Святого Варфоломея, летняя резиденция Его Преосвященства, настоятеля, отца Андрея.

Обитель утопала в саду, но пространство его было небольшим: со всех сторон (кроме той, где озеро) его обступали скалы, поднимавшиеся ввысь на тысячу и более футов. Там, в вышине, на полпути, они внезапно обрывались, образуя обширный уступ, поросший яркой зеленой луговой травой.

Под лучами солнца он сиял, как изумруд, в оправе из серого камня скал. Мой провожатый протянул руку, показывая мне на уступ, и сказал: «Это единственное место во всей округе, где растут эдельвейсы». Значит, подумал я, это то самое место, где Бенедикта рвала чудесные цветы, которые затем принесла мне – несчастному узнику. Я замер, устремив свой взгляд в вышину, и чувство, которое невозможно выразить, охватило все мое существо. А мой юный друг вновь почувствовал прилив сил и теперь прыгал, кричал и пел в восторге. Я ощутил, как горячие слезы скатились из моих глаз, потекли по щекам, и прикрыл

лицо капюшоном.

XXI

Оставив лодку, мы стали подниматься в горы. О, Господи! Знаю я, ничто не создается Тобой без цели и смысла, но для чего Ты нагромоздил эти утесы, и почему Ты засыпал их склоны камнями и обломками – сие недоступно моему ничтожному разумению, поскольку не преодолеть их ни человеку, ни дикому зверю.

Много часов мы поднимались, но в конце концов достигли перевала и здесь устроили отдых. Я присел на камень, ноги не слушались меня, я задышался и чувствовал ужасную слабость и головокружение. Я огляделся, но повсюду взор мой натыкался только на серые камни, испещренные прожилками и вкраплениями красного, желтоватого и коричневого цвета. Вокруг меня были только камни – огромные нагромождения обломков – и ничего больше – ни кустика, ни одной травинки не росло здесь: только скалы, расщелины, забитые снегом, льдом, да снежные шапки на вершинах, царапающих небо.

Но, если приглядеться повнимательней, в этих диких скалах была жизнь – между утесами я обнаружил несколько цветков. И в том я увидел промысел Божий – жуткий, дикий пейзаж, сотворенный Создателем, казалось, устроил Его самого, и Он, чтобы смягчить впечатление, в беспорядке разбросал прелестные цветы на этой бесплодной земле. Эти цветы поражали своей целомудренной чистотой и, несомненно, отмечены были Божьей благодатью. На них и указал мой юный провожатый, объяснив, что прекрасные золотые соцветия принадлежат тому самому растению, корни которого мне предстоит выкапывать.

Минул час, и мы продолжили наш путь. Был он долог, и, казалось, мои ноги с трудом несут бременное тело и едва находят тропу в нагромождении камней. Но все имеет свой предел, и наконец мы достигли цели – уединенного ущелья, стиснутого огромными черными скалами. В центре стояла маленькая хижина, сложенная из больших необтесанных камней, с низким входом. Вот тут, объяснил провожатый, мне предстоит жить. В доме была только одна комната, никакой обстановки не было вовсе. Широкая деревянная скамья с охапкой сена

вместо постели станет моим ложем. В хижине был очаг, немного дров и несколько примитивных глиняных сосудов для приготовления пищи и – ничего больше.

Пока я размышлял, мой юный друг схватил кувшин и опрометью выскочил из хижины, оставив душу мою в смятении перед дикостью и жестокостью места, где мне предстоит укрепить ее для служения Господу. Вскоре мальчик вернулся. Он нес сосуд бережно, двумя руками и, увидев меня, испустил радостный клич, и эхо его отразилось многократно со всех сторон. Настолько глубоко было мое уныние, и я вдруг так обрадовался его внезапному появлению, что чуть было не ответил тем же радостным криком на его приветствие. Но сдержался, поскольку иная мысль пронзила мое сознание – где мне, ничтожному, достать сил, чтобы вынести заточение в этой уединенной обители?

Когда мальчик поставил кувшин на землю, тот оказался до краев наполненным молоком. Затем из складок одежды он извлек изрядный кусок сливочного масла, завернутый в листья какого-то местного альпийского растения, и, наконец, появился круг белоснежного сыра, сдобренного ароматными травами. Вид этих сокровищ настолько восхитил меня, что я попробовал даже пошутить и спросил его:

– Допустим, что в этом чудном месте сыр и масло запросто растут на склонах гор, но скажи: ты что же, разыскал где-то здесь еще и молочный источник?

– Можете верить в эти сказки, если хотите, – ответил мальчик. – Но мне проще добежать до Черного озера и попросить еды у женщин, что живут там.

С этими словами он принялся разжигать огонь в очаге, а затем, набрав муки, стал месить тесто, намереваясь приготовить пирог.

– Итак, мы не одни в этой глуши, – заключил я. – Скажи мне тогда, где же находится это озеро, на берегах которого живут добрые люди?

– Черное озеро совсем недалеко отсюда, – ответил мальчик, тщетно пытаюсь спасти слезящиеся глаза от едкого дыма. – Нужно обогнуть эту грядку, – он показал рукой, – и спуститься вниз. Там над озером есть утес, и на нем стоит сыроварня. Но это плохое место. Потому и озеро называют Черным. Воды озера так глубоки, что достают до царства сатаны, а по берегам в скалах много

глубоких расщелин, трещин и провалов... Иногда, – мальчик понизил голос, – слышно даже, как в аду ревет пламя и как жутко стонут грешные души. Говорят, нигде в мире нет более зловещего места – там живут демоны ада и злые духи. Берегись их! Конечно, – продолжал он, – ты человек святой, но и ты можешь заболеть и пострадать, несмотря на свою святость. А молоко, масло и сыр тебе лучше брать на Зеленом озере, от Черного озера нужно идти еще дальше вниз. Нет нужды самому беспокоиться об этом: я скажу женщинам, чтобы они приносили все, что нужно. Они будут только рады услужить тебе. А если ты возьмешь на себя труд причащать их каждое воскресенье, тогда никакие козни дьявола тебе не страшны, – прибавил он, смеясь.

Наша трапеза доставила мне истинное наслаждение (ничего вкуснее я не ел!). Тем временем последние лучи солнца осветили наше убежище. Мальчик соорудил себе ложе, лег и мгновенно уснул. Но он храпел так громко, что я, несмотря на всю усталость, с трудом смог последовать его примеру.

XXII

Когда я проснулся, солнце уже поднялось над горами, и теперь вершины пламенели в его неистовых лучах. Внезапно я ощутил страшное одиночество и вскоре понял, что действительно остался один в этой глухомани, мой спутник покинул меня, – отдаленное эхо донесло до меня звуки его веселого голоса – то ли песни, которую он распевал по своему обыкновению, то ли просто радостных возгласов.

Итак, он ушел, даже не простившись... Едва ли потому, что ему было жаль тревожить мой сон, скорее, он спешил успеть добраться до Зеленого озера, пока не опустились сумерки. Но тут я обнаружил, что в очаге горит огонь, а рядом сложена изрядная вязанка хвороста. Мой разумный друг не забыл и о моем обеде – на столе стоял кувшин, рядом лежал кусок хлеба. Бросив взгляд на свое жесткое ложе, я обнаружил, что старая солома, покрывавшая его, исчезла. Вместо нее теперь лежало сухое, ароматное сено горных трав и сверху – шерстяное одеяло. Сердце мое наполнилось теплом и благодарностью к юному отроку.

Продолжительный сон освежил меня, и еще долгое время я бодрствовал, сидя возле своего обиталища, погруженный в молитвы и думы. Пришли сумерки, а с ними и вечер, наступила ночь. Под черным уже небом громоздились серые утесы и скалы, но в небе светили звезды и милостиво мигали мне. Здесь, в горах, они казались прекрасней и сияли ярче, чем в долине, и были так близки, что я воображал, что до них можно дотронуться – стоит только протянуть руку.

Той ночью я долго не ложился спать – под небом и звездами я погрузился в себя, в свои думы и чаянья. Дух мой парил, словно, коленопреклоненный, я замер у церковного алтаря и всем своим существом ощущал присутствие Бога. Много часов я провел в медитации и наконец почувствовал неземную благодать и умиротворение, сошедшие на меня, как снисходят они на невинное дитя, прижавшееся к материнской груди. Так и я вобрал его, приникнув к тебе, о, Природа, мать всех нас!

Никогда и нигде до той поры не доводилось мне наблюдать утренней зари столь прекрасной. Горы, скалы, утесы порозовели и казались прозрачными. Воздух, наполненный звенящим серебряным светом, был так свеж и чист, что чудилось – каждый вдох дарует новую жизнь. Ночью выпала обильная роса, и теперь, при свете дня, ее крупные, прозрачные капли сияли, как драгоценные камни, рассеянные повсеместно: на листьях горных растений, на мертвых каменных склонах. Было тихо, и никто не мешал моей молитве.

Внезапно тишину разорвал звук голосов. Очнувшись от молитвы, я огляделся. И хотя я отчетливо слышал голоса, ясно различал слова песни, никого не видел. Казалось, не люди, а сами горы поют эту песню. Вспомнив вдруг зловещую славу этих мест, я осенил себя крестным знамением, прошептал молитву – заклятие силам зла и стал ждать развития событий.

Пение между тем продолжалось, и вскоре я смог определить, откуда доносились звуки, а затем и разглядеть три женские фигуры, поднимающиеся по крутому склону. Скоро и они заметили меня, и песня прервалась. По их поведению и тем восклицаниям, что донеслись до меня, я определил, что они – вполне земные создания, а потому спокойно стал дожидаться, когда они приблизятся.

Уставшие женщины устроились на траве рядом со мной и стали рассказывать, что пришли сюда с берегов Зеленого озера и рады, что теперь у них в горах вновь поселился святой отец и, что особенно приятно, такой молоденький и красивый... При этих словах, как я заметил, в темных глазах их зажглись

веселые искорки, а на лицах засияли яркие улыбки.

Я же спросил их, не боятся ли они жить в этой дикой горной стране? В ответ они дружно рассмеялись, обнажив ровные белоснежные зубы. Против медведей у них в хижине есть охотничье ружье, объяснили они, а против демонов они знают заклятья и молитвы, потому не боятся. К тому же, они не столь одиноки, как это может показаться, – каждое воскресенье к ним из долины приходят их дружки – охотники, они охотятся на медведей, а потом, вечером, устраивают веселье. Узнал я также, что здесь в горах нередко можно встретить людей, особенно на альпийских лугах, где пастухи и их стада проводят все лето. Кстати, самое лучшее пастбище принадлежит монастырю и находится совсем рядом.

Милое щебетание девушек развеселило и согрело меня, и беспокойство, не отпускаящее-таки меня, ослабло. Прежде чем расстаться, я благословил их, а они, поцеловав мне руку, ушли, как и появились, смеясь, напевая и весело восклицая в восторге юности и здоровья. Глядя на них, я вдруг подумал, что здесь в горах люди живут куда как лучше и счастливее тех, глубоко внизу, в долинах. Они чище душой и помыслами своими, и это заметно. Мне подумалось, – это потому, что жизнь их проходит так близко к Небесам и к Богу.

XXIII

Голоса девушек стихли вдали. Провизию, что они принесли, я отнес в хижину. Пора и мне приниматься за работу. Я нашел маленькую лопатку, оставленную предшественником, взял сумку и отправился на поиски корней. Растение это росло здесь в таком изобилии, что очень скоро моя спина – от постоянной работы согнувшись – сильно разболелась. Но я не прервался для отдыха, а продолжал свои труды, намереваясь собрать как можно больше корней, чтобы в монастыре смогли оценить мое усердие и покорность.

Я увлекся и не обратил внимания, что довольно далеко отошел от хижины, не интересовало меня и то, в какую сторону я двигаюсь. Погруженный в собственные мысли, я мог бы погибнуть, если бы в последний миг не оглянулся, – я стоял на самом краю обрыва над разверзнувшейся пропастью... Она была столь глубока, что у меня перехватило дыхание от ужаса, и я застыл с криком на устах. На дне этой бездны, так глубоко, что я едва находил в себе

силы взглянуть вниз, можно было различить маленькое круглое озеро, зловещее, словно око дьявола. На его берегу, невдалеке от утеса, нависшего над водой, стояла хижина, крытая, как здесь водится, пластинами сланца. Под крышей домика вился синий дымок. Неподалеку, на маленьком узком клочке травы, паслось несколько коров и овец. Как в этом угрюмом месте еще могут жить люди!

Потрясенный, я долго стоял над пропастью, как вдруг раздался звук, который вывел меня из задумчивости и заставил вновь содрогнуться от страха: я услышал голос, и голос отчетливо звал кого-то по имени. Звук этот шел откуда-то за моей спиной, произносимое имя звучало для меня с такой знакомой сладостью, что я, ужаснувшись, осенил себя крестным знаменем, – я был уверен, что это уловка феи, и она насылает на меня свои чары. Я вновь услышал тот же голос, и в этот раз сердце мое забилося так сильно, так неистово, что я чуть не потерял сознание, – это был голос Бенедикты! Бенедикта! Бенедикта в этой глуши... и я здесь... и никого нет рядом! О, Святой Франциск! Будь мне поводырем, чтобы не сбился я с пути Божественного промысла!

Я обернулся и увидел ее. Она стояла безмолвно, и я пошел навстречу ей. Я шел к ней, в душе вознося хвалу Святой Деве, хотя – прости меня, грешного, Господи! – в сумятице мыслей едва произносил Ее святое имя.

Боже мой! Как изменилось бедное дитя! Прекрасное лицо стало бледнее мрамора, огромные глаза потухли, и в них затаилась невыразимая скорбь. Одни лишь ее чудесные волосы были все те же и золотыми волнами сбегали на плечи.

Мы стояли и глядели друг на друга, ошеломленные встречей, пока я, наконец, не спросил ее:

– Неужели это ты, Бенедикта? Та, кто живет в этом страшном месте – в хижине на берегу Черного озера? Отец тоже с тобой?

Она ничего не ответила, но от меня не укрылось, как задрожали ее губы, словно она пыталась сдержать рвущиеся наружу рыдания.

– Отец живет с тобой? – снова повторил я.

Она ответила так тихо, что ответ ее можно было принять за вздох:

– Мой отец умер...

Боль ее пронзила ответной болью мое сердце – такой острой, что я не смог вымолвить ни слова в ответ. Бенедикта отвернулась, стараясь скрыть хлынувшие из глаз слезы, но я видел, как сотрясаются от рыданий ее хрупкие плечи. Не в силах более сдерживать себя, я шагнул навстречу, взял ее руку и, пытаюсь изгнать из самых дальних тайников своего сердца все грешное, произнес:

– Дитя мое, милая Бенедикта, твой отец ушел, но другой Отец не покинет тебя и защитит от всех напастей. А я, жалкий и ничтожный слуга Его, буду орудием Его Святой воли и помогу тебе пережить это великое горе. Тот же, кого ты так безутешно оплакиваешь, не канул бесследно, он перенесся в лучший мир, и Господь на оставит его своей добротой.

Но слова мои, казалось, только пробудили дремлющую скорбь девушки. Силы совершенно оставили ее. Она опустилась на землю, и слезы, более уже не сдерживаемые, хлынули из глаз; рыдания так сильно сотрясали ее тело, что душа моя переполнилась тревогой. Я склонился над ней, и теперь уже мои собственные слезы катились по ее золотым прядям. Разум мой повелевал мне поднять ее с земли, но руки отказывались повиноваться. Минуло время, прежде чем девушка начала приходить в себя и заговорила, но речь ее была такова, словно она говорила не со мной, а обращаясь к самой себе.

– Мой отец! Мой бедный несчастный отец! Да, он умер, они убили его, он мертв, он давно уже мертв от горя... Моя мама, прекрасная моя мама, тоже мерт-ва... мертва от горя – горя и раскаянья... Я не знаю, в чем, в каком грехе, но знаю, что он простил ее... Мой отец, он не был жестоким, он мог быть только милосердным и мог только сострадать... Сердце его было таким мягким! Он не мог раздавить даже малую букашку, а его заставляли убивать людей... Но отец и дед его всегда жили здесь... И из поколения в поколение все они были палачами, и это родовое проклятье довлело над ним. И некуда было бежать ему, а эти жестокие люди снова и снова заставляли его вершить страшную службу. Сколько раз я слышала, как он клялся убить себя, и, верно, одна лишь мысль о моей судьбе удерживала его от этого шага. Он не мог оставить меня умирать с голода, а ему пришлось видеть, как меня оскорбляют, и наконец – о, Святая Дева! – как меня опозорили за преступление, которого я не совершала...

Когда Бенедикта вспомнила о той ужасной несправедливости, щеки ее, до той поры бледные, запылали, и память о пережитом позоре и несчастном отце вновь отозвалась болью в ее глазах, и вновь она была готова разрыдаться, но я поспешил остановить ее, утешая, хотя мое собственное сердце разрывалось на части от сострадания.

– Увы, мой бедный отец! – продолжала она. – Он всегда и во всем был несчастлив! Даже радости крещения собственного ребенка он был лишен. Я – дочь палача! – произнесла она с горечью. – А потому моим родителям запрещено было крестить меня; они так и не смогли найти ни одного священника, который даровал бы мне имя. Потому они сами дали мне его – Бенедикта – и сами окрестили меня.

Я была еще совсем ребенком, когда умерла моя мама. И похоронили ее в неосвященной земле. И потому нет ей пути на Небеса, а суждено вечно гореть в адском пламени. Когда она умирала, мой отец пошел к Его Преосвященству, епископу вашему, и умолял его прислать священника, чтобы тот дал ей причастие. Но мольбу его не услышали. Священник не пришел, и мой несчастный отец сам закрыл ее глаза, а его собственные ослепли от муки и горя, и он клял свою злую судьбу.

И никто не помог ему выкопать могилу. Он сделал это сам. И негде было похоронить ее – только там, где он хоронил повешенных и казненных – около виселицы. Своими собственными руками он положил ее в эту нечистую землю, и никто не отслужил заупокойной мессы по ее истерзанной душе.

Я хорошо помню, как отец брал меня за руку и вел к ясному лику Святой Девы, как приказывал мне преклонять колени и складывать вместе мои маленькие ладошки, как учил молиться за душу бедной мамы... С того самого дня каждое утро и каждый вечер я молилась за нее, а теперь молюсь за обоих – и за отца, который тоже умер без причастия, потому и его душа не с Богом, а корчится в муках на адском пламени.

Когда он умирал, я побежала к отцу-настоятелю и молила его так же, как некогда отец молил за мою несчастную маму. Я ползала перед ним на коленях. Я умоляла, я рыдала, я целовала его ноги, но он велел мне убираться.

Бенедикта говорила и говорила. И чем больше было сказано, тем решительнее становилось выражение ее лица. Она поднялась на ноги и теперь стояла очень прямо, гордо вскинув голову и подняв глаза к небу, словно обращалась теперь напрямую к Богу и ангелам Его, перечисляя нанесенные ей жестокие обиды. Она простерла руки, и было в этом жесте столько вдохновенной силы и истинного благородства, что я невольно преисполнился глубокого благоговения – ее простые и искренние слова слетали с прекрасных уст в таком красноречии, равного которому я никогда и нигде не слышал. Едва ли я бы отважился назвать ее речь вдохновением – оно всегда даровано свыше, а каждое ее слово – Господи, прости меня! – звучало жестоким обвинением Ему и Его Святой Церкви. Едва ли с уст простого смертного, не отмеченного Божьей дланью, могли сорваться такие слова! Глядя на это страстное, вдохновенное существо, я вдруг так остро и безоговорочно ощутил собственную никчемность, что готов был пасть на колени перед ней, как перед святой, когда она вдруг продолжила прерванный монолог, и острая жалость пронзила все мое существо.

– Жестокие люди убили его, – произнесла она, и каждое слово рвалось рыданием из ее сердца. – Они лапали меня своими руками, ту, которую он так любил. Без всякой моей вины они обвинили меня в преступлении, которого я не совершала. Они натянули на меня рубище позора, а на голову – соломенный колпак, поставив на мне черное клеймо бесчестья. Они глумились надо мной, а его обрекли вести меня на веревке к лобному месту и там – привязать к столбу, и бросали в меня грязью и камнями... И тогда его большое, доброе сердце не выдержало... Он умер... И теперь я одна...

XXIV

Бенедикта умолкла. Я не проронил ни слова в ответ. Что я мог сказать в этот скорбный час? Даже у Церкви едва ли найдется бальзам, способный залечить ее страшные раны. Чем больше я думал о нелепой жестокости того, что случилось с этой простой и безобидной семьей, тем сильнее в сердце моем нарастал безотчетный протест против мира, жизни, против Церкви, против Бога! Они несправедливы, чудовищно несправедливы! Жестоко, дьявольски несправедливы!

Все, что нас окружает, – закаменевшая, бездушная дикость, преисполненная угроз и мерзких неожиданностей, холодная от нетающих снегов – становится видимым воплощением жалкого бытия, которому бедное дитя было обречено с самого рождения.

...Минуло какое-то время, пока Бенедикта пришла в себя и немного успокоилась. Тогда я спросил ее, есть ли кто-нибудь, кто в состоянии защитить ее и помочь ей? И кто он?

– У меня нет никого, – ответила она. Затем, видимо, разглядев тревогу в моих глазах, добавила: – Я всегда жила очень уединенно, в Богом проклятых местах и давно привыкла к этому... Сейчас, когда отец умер, едва ли кто-нибудь заговорит со мной, да и я едва ли отважусь с кем-нибудь разговаривать, вы – единственное исключение.

Она замолчала, но потом, поколебавшись, заговорила вновь:

– Правда, есть один человек, но он...

Не закончив фразу, она снова умолкла. Я не стал настаивать и выяснять, кто это, чтобы не смутить ее. Бенедикта сменила тему.

– Я еще вчера узнала, что вы здесь. Мальчик приходил и просил молока для вас. Если бы вы были простым человеком, он не пошел бы ко мне. А вы – человек Божий, потому вам не может повредить то, к чему я прикасалась: всем ведомо – на мне тень дьявола. Но вы, верно, не забыли вчера осенить крестом свою трапезу?

– Если бы я знал, Бенедикта, что все это он принес от тебя, – отвечал я, – в том не было бы никакой нужды.

Она подняла на меня свои глаза – они сияли.

– О, господин, – произнесла она. – О, милый брат мой!

И взгляд ее, и слова пронзили мое сердце и наполнили все существо благоговейным восторгом, хотя, по правде, все, что делало или говорило это

святое существо, всегда восторгало меня.

Я спросил ее, что привело ее сюда и кто тот человек, кого она звала?

– Это не человек, – ответила она, смеясь, – это моя коза. Она убежала, и я думала, что она где-то здесь, в скалах, и теперь я ищу ее.

Она кивнула, словно говоря мне – «до свиданья», и сделала движение, чтобы уйти, но я остановил ее.

– Пстой! – сказал я. – Я помогу тебе найти ее.

Вскоре мы разыскали животное – оно оказалось на одном из горных уступов неподалеку от нас. Бенедикта так обрадовалась, вновь обретя свою незадачливую спутницу, что даже опустилась на колени и, обняв ее за шею, прижав к себе, стала осыпать ее ласковыми именами и прозвищами. Зрелище это умиляло меня, и я ничего не мог с собой поделать.

Заметив мой взгляд, Бенедикта заговорила:

– Ее мать упала со скалы и разбилась. Я взяла малышку себе и выкормила молоком, и потому она очень меня любит. Только тот, кто одинок, может по-настоящему оценить любовь животного.

Она собралась уходить, и тогда я наконец набрался смелости задать вопрос, который давно мучил меня.

– Бенедикта, пожалуйста, ответь мне, правда ли, что в ночь праздника ты пошла навстречу той пьяной компании, чтобы они не обидели отца? Да?

Она смотрела на меня, и во взгляде ее читалось великое изумление.

– А что же еще могло заставить меня пойти туда?

– Я не мог подумать иначе, – ответил я, сконфузившись.

- А теперь - до свидания, - сказала она, собираясь уходить.

- Бенедикта! - воскликнул я.

Она остановилась и повернула голову.

- В воскресенье я буду на Зеленом озере, тамошние женщины просили меня о проповеди и причастии. Ты придешь?

- О, святой отец!.. Нет... - она потупилась и отвечала очень тихо, голос ее дрожал.

- Ты не придешь?

- Я бы очень хотела прийти... Но если я приду, это испугает всех благочестивых людей, кто придет послушать вас. Да и ваша доброта ко мне может очень вам повредить. Молю вас, господин! Я так благодарна, но никак не могу прийти.

- Тогда я приду к тебе.

- О, не делайте этого, умоляю! Это опасно для вас!

- Я приду.

XXV

Мальчик, мой провожатый, научил меня печь пирог. По крайней мере, последовательность и пропорции были мне ведомы, но, увы, ничего не получилось. То, что я изготовил, - жирное, клейкое месиво - скорее годилось для пасти сатаны, нежели смиренному сыну Церкви и последователю Святого Франциска. Неудача чрезвычайно обескуражила меня, но не убила аппетита. Я решил утолить голод позавчерашним черствым хлебом и насыщался, обмакивая его в кислое молоко. Я был уже близок к тому, чтобы подвергнуть свой желудок суровому наказанию за многочисленные грехи его, когда пришла Бенедикта.

Она принесла целую корзину съестного с фермы. Чего там только не было! Боюсь, не только сердцем своим я вознес молитву за ее чудесное появление этим благословенным утром.

Она весело рассмеялась, обнаружив нечто в моей сковороде, и без слов выбросила ее содержимое птицам. Затем промыла ее в ручье, а вернувшись, разожгла огонь и принялась готовить пирог: взяла две пригоршни муки и положила их в большую глиняную миску, добавила чашку сметаны, бросила щепотку соли и своими тонкими белыми пальчиками энергично замесила тесто – оно получилось мягким и пышным. Затем она смазала сковороду куском желтого сливочного масла, положила тесто и поставила на огонь. Очень скоро тесто подошло и края сковороды стали ему малы, но Бенедикта очень ловко проткнула его в нескольких местах, и вскоре пирог подрумянился и был готов. Она водрузила его передо мной. Да, это совсем не походило на то, что сотворил я.

Я пригласил ее разделить трапезу, но она отказалась. Кроме того, она потребовала, чтобы перед едой я осенил крестным знамением то, что она приготовила. Она считала, что, поскольку над ней тяготеет церковное проклятие, это необходимо. Но я отказался сделать это. Пока я насыщался, она собирала цветы на скалах, а затем, сплетя из них венок, повесила его на распяты, прикрепленное над входом в мое жилище. Потом она принялась чистить посуду, а следом занялась и моим обиталищем, и оно преобразилось и даже вдруг мне понравилось. Наконец, она переделала всю работу и простилась со мной. Я попытался удержать ее, но все мои ухищрения оказались тщетны, и она ушла.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Перевод. А. Танасейчук

Купить: <https://tellnovel.com/ambroz-birs/monah-i-doch-palacha-pautina-na-pustom-cherere>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)